

Записки экспедитора Тайной канцелярии

Автор:

Олег Рясков

Записки экспедитора Тайной канцелярии

Олег Станиславович Рясков

Главная телепремьера сезона! К показу на телеканале «Россия» сериала «Записки экспедитора Тайной канцелярии» – нового суперпроекта от режиссера лучшего исторического фильма последних лет «Слуга государев»!

Эпоха дворцовых переворотов. После смерти Петра Великого начинается ожесточенная борьба за власть, в которую по воле случая вовлечен и главный герой книги – сын одного из приближенных всесильного князя Меншикова, он принят на службу в Тайную канцелярию, наводившую ужас на современников. Ему придется участвовать в расследовании самых засекреченных и запутанных дел, охотиться за серийными убийцами, масонами, пиратами. Он повидает такое, что впору задуматься: уж не сам ли прародитель Зла приложил лапу к трагическим событиям и строит козни против России? А тем временем отец его невесты обвинен в тайном заговоре против русского трона, и его возлюбленную ждет ссылка в Сибирь...

Олег Рясков

Записки эспедитора Тайной канцелярии

Несколько предварительных замечаний от автора,

в коих размышляет он о несомненной пользе мемуаров

Доводилось ли вам читать мемуары? Ну уж наверное. Среди моих соотечественников нередки люди, для которых история, описанная с детальной точностью очевидца, является единственно возможным чтением. К чему все эти романисты с их цветистыми побасенками и придуманными героями, когда есть события подлинные и герои истинные? Вот о ком интересно узнать. Не тратьшь время на сантименты, а сразу окунаешься в череду событий, составляющих страницы истории Государства Российского. Даже если каждый автор дневников видит по-своему и картина, вышедшая из-под пера его, не совсем справедлива, она все равно более достоверна, чем сочинения господ романистов.

Так вот признаюсь вам, что и я более ценю мемуары, а потому прочитал их достаточно и удивить меня сложно. Однако недавно довелось мне поработать в старом архиве, куда пустил меня хранитель библиотеки князя Орлова. Ее решено было перестроить, но прежде стали разбирать некоторые бумаги, бессистемно лежавшие в хранилище. Я с радостью воспользовался такой возможностью: мне нужны были подлинные свидетельства времени, о котором задумал я роман.

По истечении нескольких часов, проведенных в архиве, моя жажда правды факта в значительной степени поостыла. Хранилище располагалось в подвале, достаточно сыром и озаряемом лишь парой свечей, что выдал мне старик-хранитель. То и дело в углу что-то шуршало, вероятно, мышь, которая до моего появления чувствовала себя полноправной и единоличной хозяйкой человеческой истории. Уверяю вас, что несмотря на сии неблагоприятные условия и мою сублительную природу, я держался молодцом и сдался только тогда, когда могильный холод десятилетий, пылящийся на полках в сыром подвале, окончательно пронизал все мои члены, но так и не открыл мне того, чего алкал я жадной душой не столько романиста, сколько исследователя. Только в этот самый миг дал я слабину и решил, что поиск следует прекратить, поскольку вряд ли он увенчается чем-нибудь стоящим. Я бы так и поступил, если бы мой прощальный взгляд не упал на пухлый том.

Господь вознаградил меня за мои старания (так, кажется, принято выражаться в подобных случаях?). Да, он вознаградил, потому что сии дневники оказались настоящим сокровищем. Как и большинство подлинных свидетельств, стремящихся отразить время без прикрас, записки экспедитора Тайной канцелярии Ивана Самойлова не могли в свое время увидеть свет по вполне понятным причинам: слишком близки были события и имениты лица, в них

участвовавшие. А у нас на Руси, как известно, от сумы да тюрьмы не зарекайся, особо если посягнул ты на честь сильных мира сего.

Но вот эпоха минула, господа, чьими страстями и волей она двигалась, давно предстали перед высшим судьей, и я решил, что могу без опаски вплести достоверные факты в свой роман. А для меня, как я уже докладывал, правда превыше вымысла, пусть и самого талантливой.

Верить или не верить всему рассказанному в этой книге, дело каждого читателя. Одно скажу, меня записки Самойлова увлекли, потому что созданы они были человеком недюжинного ума, к тому же оказавшимся вовлеченным в водоворот самых невероятных событий при царском дворе сразу после смерти императора Петра. Будучи сержантом драгунского полка, Иван Самойлов попал на службу в Тайную канцелярию и Тайный приказ, от одних названий которых у современников холодели руки и выступал пот. Наш же герой числился в сих Приказах экспедитором, или, если хотите, дознавателем до 1778 года. Так вышло, что именно через него прошли чуть ли не самые занятные и запутанные дела.

Записки Самойлова дали моему замыслу необходимую законченность, я облачил исторические факты в романную фабулу и предлагаю вам перенестись без промедления в эпоху переломную, когда решалась судьба не только нашего героя, но и всей России.

Часть I

Дозор

Глава I,

в коей герой наш, будучи испачкан грязью, переживает меж тем самый светлый миг своей жизни

В те времена, когда наш царь Петр Великий уже покоился в Петропавловской крепости, а царица наша, Екатерина, политикою не интересовалась, а больше предавалась безмятежным развлечениям, дела государственные сосредоточились в руках нескольких сподвижников Петра. Но, видимо, открывшаяся возможность править единолично оказалась для них слишком тяжким испытанием – между ними началась борьба за власть. Екатерина же не знала о том или делала вид, что не знала. Судьба вознесла ее на трон из простых горничных, дворцовая жизнь так и не развила склонности к управлению государством, и она взирала на обязательства, возложенные на нее императорским званием, сквозь пальцы. Да и нелегкое это дело – быть государыней на Руси. Кроме непрестанной заботы о подданных надобно, все время держать ухо востро: хитроумные интриги при русском дворе легко приводили к власти одних, чтобы потом с той же легкостью убрать их с пути других. Долго на нашем престоле задерживались лишь избранные, к коим принадлежал государь Петр Алексеевич. При нем многое в России-матушке изменилось. Стали брить бороду, курить табак, и что уж совсем для «византийской» природы нашей не свойственно – звания начали получать по заслугам, по способностям, а не только по крови дворянской и боярской.

Так при дворе оказался и светлейший князь Александр Данилович Меншиков. А начинал, было дело, мальчишкой на побегушках в торговой лавке и вот ведь до каких высот дошел. Конечно, заслуги его перед Отечеством были велики, а потому сподвижником императора и его фаворитом стал он по праву. И отвагу воинскую Александр Данилович проявил, и людишек на работу организовать умел, независимо от чина и звания, и искусства с науками поощрял. Но и корыстолюбием отличался князь, козни строить умел, как никто другой, коварства и жестокости ему было не занимать. Поговаривали при дворе, что после смерти Лефортова Петр, знавший о грехах любимца, сказал: «Осталась у меня одна рука, вороватая, да верная». А вот когда и сам русский царь покинул этот бренный мир, то оказалось, что не все довольны сосредоточением власти в «верной руке» сановного баловня судьбы. Но обо всем по порядку.

Заглянем в записки Самойлова и увидим, что он так начинает повесть своей жизни:

...Получив отпуск по случаю болезни и смерти отца, я, возвращаясь с похорон, должен был выполнить последнюю волю умершего – навеститься к князю

Меншикову.

А значит, и мы начнем наш роман так. Представим себе, как лет двадцати с небольшим юноша (это и есть наш герой, сержант драгунского полка Иван Самойлов) шагал по мощеной улице, а на плече у него была лишь котомка с вещами. По дороге к Светлейшему он завернул к торговым рядам. Следовало подкрепиться перед столь значимым визитом. Обычный с виду день только зачинался, но базарная жизнь кипела вовсю: торговцы ругались с покупателями, пытавшимися отвоевать лишнюю копейку. Какой-то малец решил было украсть с лотка несколько яблок, да был пойман стражами порядка. Гвардейцы волокли незадачливого воришку к телеге, тот сопротивлялся, вырывался что было мочи из крепких рук. Юродивый, что до сего момента отрешенно мотал головой в такт просьбам о милостыне, прервал свое гнусавое «Подайте, кто сколько может, на хлебушек» и погрозил гвардейцам пальцем, промычав: «Не следует обижать малых детушек. Бог накажет». Один гвардеец шикнул на блаженного, замахнулся на него прикладом для острастки, оборванный мужик замычал в ответ что-то невнятное. До чуткого уха Ивана донесся голос торговки, что склонилась к своей товарке и возмущенно шептала ей на ухо:

– Совсем Бога не боятся. Где ж это видано, чтобы блаженных на Святой Руси не слушали? Нехристи!

– Ох, матушка, я и сама замечаю, недобрые времена настали.

Засмотревшись на картины столь кипучей для раннего утра жизни, Иван и не заметил летевшего по базарной площади всадника. Лишь резкий окрик «Посторонись!» спас его от копыт лошади, что неслась во весь опор. Он молниеносно отпрянул (реакция у него была отменная, несмотря на юный возраст), но налетел на прилавок. И поскольку расстояние между Самойловым и всадником не позволило им разойтись без последствий, то Иван ощутил всю силу оных на себе. Брызги мутноватой жидкости, вылетевшие из-под копыт, осквернили его чищенный накануне по случаю важного визита темно-зеленый кафтан да вдобавок испачкали лицо. Вот тебе и позавтракал! Он весь сосредоточился на том, чтобы привести костюм в порядок, но звонкий девичий смех прервал его занятия. Это уже было чересчур. Всегда и сам готовый посмеяться над человеком, попавшим в неловкое положение, тут он пришел в

бешенство. Только что на глазах почтеннейшей публики он чуть было не лишился жизни на самом ее пороге, и что же вместо слов сочувствия и поддержки?.. Оказался достоин лишь смеха?! В возмущении поднял наш герой глаза, чтобы покрыть презрением виновниц, но увидел на противоположной стороне улицы двух прелестных особ.

Читая сии строки, я счел возможным привести их дословно. К чему описывать чувства героя, тогда как он сам потрудился пережить их, перенося на бумагу?

Все мелочи этой встречи, как и сейчас у меня перед глазами, хотя лет и событий с того памятного момента минуло немало. Они стояли у лотка напротив входа в аптекарскую лавку. Одна была постарше, но пониже ростом, с темными волосами. Она лукаво улыбалась, глядя на меня. Вторая, видимо меньшая, – веснушчатая блондинка – и была обладательницей звонкого смеха. Я решил, что они сестры. В их чертах было много общего.

Едва я взглянул на их прелестные лица, как весь мой гнев моментально улетучился. Я расплылся в робкой улыбке и выглядел, думаю, довольно глупо: забрызганный камзол, перемазанное лицо, улыбка, появившаяся на моем лице столь некстати. Но как бы я хотел снова оказаться на том месте в столь глупом положении! И теперь, по прошествии многих лет, я уверен, что это было одно из самых счастливых мгновений моей не самой счастливой жизни.

Да как же нашему герою не испытать смущения? До поры женщин Иван почти не видел, разве дворовых девок в родовом имении. Отданный отцом на службу в полк еще в шестнадцать неполных лет, он привык к солдатскому взгляду на жизнь. Грубоватое отношение военных к прекрасному полу хоть и вызвано было скорее скудостью выбора (ведь кроме пяти выдавших виды маркитанток в полку никого не было), но стало единственно возможным для него.

Совсем смутившись под насмешливыми взглядами красавиц, Иван поспешил перейти улицу, но вновь чуть не попал под карету. Это вызвало еще больший смех. Чтобы хоть как-то сгладить неловкость своего положения и произвести на дам должное впечатление, он поравнялся с ними и вознес руку к треуголке.

– Честь имею представиться, Иван Самойлов!.. – отрапортовал юноша со всей веселостью, какую нашел в недрах суровой солдатской души.

И тут его снова задели, на этот раз прохожий. Ничего не скажешь, если уж не задалось с утра, так, почитай, весь день насмарку. Брюнетка посмотрела на героя нашего с лукавой улыбкой:

– Вам бы поводыря нанять!

– А то так не ровен час... – поддержала ее меньшая.

Несерьезный тон, который они взяли для разговора, казалось, не сулил Ивану ничего хорошего, но надежда его на прочность знакомства все более крепла – уж больно о многом говорили глаза той, что с темными волосами. Поддавшись чарам этих глаз и игривости тона, он ответил:

– Поводыря? Так я с радостью! Возьметесь?

Девушки переглянулись и вновь рассмеялись.

В этот момент из лавки вышел грузный придворный с потным лицом и, повернувшись, крикнул в открытую дверь:

– Ага, ты себе эти пиявки знаешь куда засунь?! Никакого проку от этих лекарей.

Он подозрительно оглядел молодого человека и сердито окликнул дочерей:

– Поехали отсюда!

Под его тяжелым взглядом веселость девушек мигом слетела с прелестных лиц. Но перед тем как скрыться в карете, старшая из сестер улыбнулась Самойлову на прощание и сделала чуть заметное движение рукой. Он с грустью посмотрел на отъезжающую карету, помахал в ответ и тяжело вздохнул. На сердце стало сладостно и горько – два этих чувства смешались в его душе в единый миг. Слишком уж хороша и вместе с тем недосыгаема была красавица для простого драгунского сержанта, пусть даже дворянских кровей.

Иван с тоскою опустил глаза и обомлел: на земле, где только что стояла карета, белел платок. Он поднял его, вдохнул запах незнакомых духов и прикрыл глаза от удовольствия.

Его вернул к действительности гнусавый голос:

– Что, солдатик, видит око, да зуб неймет?

Самойлов оглянулся и увидел того юродивого, что пытался защититить от гвардейцев мальчишку. Иван почтительно произнес в ответ:

– Всему свое время. Скажи-ка, добрый человек, как мне к дому князя Меншикова пройти?

– Так ты оборотись направо-то! Вот он перед тобой!

Самойлов повернулся к цели своего путешествия и увидел, как к парадному подъезду дома Светлейшего подъехал человек в плаще. Одним махом всадник покинул седло и поспешил ко входу. Самойлов немедля последовал его примеру.

Глава II,

в коей Светлейший плетет интриги, будучи сам опутан сетями Тайной канцелярии

Александр Данилович подошел к окну, побарабанил пальцами по стеклу. За последнее время, пожалуй, не было в государстве Российском человека более могущественного. Знал князь, и кому, может быть, даже помимо воли сей персоны, «обязан» сим положением. Не только покровителю своему умершему, но и вдове его Екатерине. «Это хорошо, что дела государственные не прельщают Ее Величество, несмотря на годы, проведенные рядом с царственным супругом. Как не стало над ней более длани Петра, призывающей к порядку и чувству меры, так словно прорвало бурный поток. Пускай ее тешится, это нам только на руку, – стоя у окна, рассуждал Александр Данилович. – Пусть предается увеселениям, пусть подолгу от них отходит. Главное, чтобы не

мешала».

Екатерина тоже слишком хорошо помнила, кому обязана своим восхождением на трон, начинала-то она горничной в пасторском доме. А после взятия Мариенбурга и пленения оставили ее прислугой у драгунского полковника Бауэра. Там-то и заметил хорошенькую девушку Меншиков – уж больно ловко прислуживала на обеде. Александру Даниловичу как раз нужна была такая расторопная прислуга, да к тому ж приправленная европейским лоском. И, как всегда, не прогадал царский любимец! В первый же раз, как увидел Петр прелестницу в доме Светлейшего, так и приказал «принести свечу в опочивальню». Благодаря чему оказалась Марта Скавронская царевой женой, перекрестившись в Екатерину. Может, и не самое приятное это было воспоминание, но ее ливонская кровь понуждала помнить добро. К тому же именно стены княжеского дома стали свидетелями первой романтической истории с денщиком царя, а затем и с самим Петром. Амурные сцены юной страсти не раз вызывали у императрицы ностальгические слезы.

Размышления князя были прерваны. Из окна он увидел, как подъехавший к дворцу всадник соскочил с лошади и направился к дверям. Его шаги гулко отозвались в анфиладе комнат.

Едва незнакомец скрылся из виду, в анфиладе мелькнула еще одна фигура. Невзрачный низенький человек, следивший из-за колонн за гостем, поспешил прочь. Ушаков не зря определил в дом князя этого расторопного и смышленного служаку. Его наблюдения давали Андрею Ивановичу не только пищу для размышлений, но и возможность знать каждый шаг Светлейшего.

Ушаков давно заметил за князем привычку не придавать особого значения персонам, состоящим у него в услужении. Ею и воспользовался. Впоследствии эта нелепая рассеянность повлияет на жизнь Александра Даниловича самым роковым образом. Но пока Светлейший князь вынашивал весьма амбициозные планы и уж конечно не помышлял о столь скором падении.

По озабоченному лицу доносчика было видно, что ему есть что рассказать начальнику Тайной канцелярии, приставившему его следить за означенной персоной.

Меншиков внимательно прочел письмо, доставленное посланником, и, сложив его, пытливо взглянул на гостя.

– Значит, генерал Ордена уверен, что сможет добиться согласия самого Папы?

Посланник ответил с итальянским акцентом:

– Ваша светлость! Масоны – самая влиятельная сила в Европе! После брака царевича Петра с вашей дочерью наш Орден заинтересован в еще большем политическом укреплении своего члена, ставшего во главе России. Если с наследником приключится беда, Папа официально признает вас императором и у монархов Европы не останется выбора. Но это необходимо подготовить. Люди, искушенные в подобных делах, уже на пути к вам.

Меншиков смерил посла долгим взглядом и, взяв колокольчик, промолвил:

– Я позабочусь, чтобы их встретили и тайно доставили ко мне. Не угодно ли с дороги? – Он налил водки из графина. – Может, баньку?

– Благодарю, генерал Ордена желал, чтобы мой визит остался в тайне, я должен ехать немедленно.

Посланник поклонился и вышел. Меншиков вернул колокольчик на стол и направился проводить гостя. Сквозь приоткрытую дверь Александр Данилович увидел Самойлова. Да и как не увидеть? Иван чуть не столкнулся в дверях с масоном, не ведая, разумеется, о миссии сего человека и его отношениях со Светлейшим князем. Он вообще в то время слишком мало разбирался в политике и дворцовых интригах.

– Ко мне? – спросил Меншиков, оглядев юношу с головы до ног.

– Сержант драгунского полка Иван Самойлов! – отрапортовал тот.

– Знакомое лицо – знакомое имя. Ну заходи! – ухмыльнулся князь, и Иван оказался в большой белой зале с камином.

А в это время за стенами кабинета происходили странные вещи. Посланник, так желавший остаться незамеченным, чуть только скрылся из поля зрения драгун, стоявших в карауле у дверей князя, получил удар по голове. Он даже и пикнуть не успел, не то что позвать на помощь. Оглушенного масона затащили в боковой коридор. Уже знакомый нам слуга в очередной раз выглянул из колоннады, посмотрел на дверь кабинета Александра Даниловича и, убедившись, что дело его рук осталось незамеченным, поднял оброненную посланником шляпу и поспешил следом за похищенным масоном.

Тем временем в кабинете продолжалась неспешная беседа. Меншиков изучающе разглядывал Ивана.

Потом крякнул, налил себе из графина водки и выпил. Поморщившись, сел в кресло:

– Н-да! Отцовская кровь! Сразу видно! Я бы тебя и так узнал. Уж больно на батюшку лицом схож. Толковый был следопыт твой батя. Мы ж с потешных с ним знали. Сколько раз его сноровка жизнь нам спасала... Жаль, что господь прибрал его так рано. Ну а ты, что ж? По стопам отца пошел али как?

Самойлов прижал треуголку к груди и отрапортовал, как учили в полку:

– С малых лет приучен был к охоте, следы читать. Вот и сейчас, после похорон, обратно в полк.

Князь пристально посмотрел на Ивана, в голове его уже зрел тайный план. «Как вовремя! И главное, его никто не знает, он неприметно выйдет как очередной проситель и выполнит любое поручение.» А вслух сказал:

– В полк, говоришь? Вот что, дружок, сослужи-ка ты мне службу! Встретить надобно одну особу и сопроводить ее ко мне. Одного не пущу, возьмешь себе двух моих драгун провожатыми, что в дозоре на дальней заставе стоят. Но

главное – встретить и провезти надо по-тихому... Внутри кареты не заглядывать. А полковнику твоему я отпишу.

Польщенный столь важным заданием, Самойлов по-солдатски лихо оттрапортовал:

– Рад служить, Ваша светлость!

Меншиков, давно не видевший при дворе такой искренности, вдруг замялся:

– Ты это... Оденься поскромнее.

Что-то отцовское прозвучало в этих скупых словах. Иван был тронут до глубины души. Человек, о котором с восторгом слушал он в детстве рассказы отца, говорил с ним так по-свойски, без гонору. Словно ожила детская сказка. Если бы он знал, что сказки, овеянные благородством поступков, остались в том глубоком детстве в родном имении.

Глава III,

в коей Самойлов находит кашу недосоленной, а вместе с ней и верных спутников

Предрассветный час затянул густым туманом зелень деревьев. В растворяющихся сумерках таинственная лесная чаща, окутанная седой пеленой, лишь изредка оглашалась одинокими криками птиц. Но по мере того как полдневное светило вступало в свои права, туман потихоньку рассеивался.

Два драгуна, стоявшие на дальней заставе, совершали нехитрый утренний ритуал. Не зря их определили сюда. Место было глухое, но, несмотря на это обстоятельство, всяких недобрых людишек в окрестных лесах хватало. А все потому, что было здесь чем поживиться. Западные рубежи империи проходили неподалеку и разного рода гости вынуждены были преодолевать эти недобрые места. А кто лучше Маслова с Вожжовым сопроводит их? Обережет покой честных странников и купцов? Ведь чутье у драгун было охотничье, сердце отважное, а выдержка железная. Они уже с неделю стояли здесь и ждали

скорой замены.

Вот и еще один служилый день зачинался. Вожжов неспешно чистил ружье. Маслов аккуратно брился небольшим ножом. Они не имели привычки болтать по пустякам, а потому все происходило в полнейшей тишине.

Внезапно перед драгунами на поляну вышла олениха. Маслов замер, любясь на природную грацию животного. Рядом щелкнул взводимый затвор. Маслов обернулся и увидел, что Вожжов прицелился в оленя из фузеи.

- Погоди-ка! - остановил он товарища.

Василий, не ожидавший такой сентиментальности от бывалого драгуна, возмутился:

- Ну что ты?.. Оленины поели бы!

Маслов показал на испугнутых птиц и шепотом приказал:

- Тсс!

Олениха, тоже почуяв неладное, еще немного постояла на поляне, втягивая туманную прохладу влажными ноздрями, потом нервно задвигала ушами и бросилась в чащу. Маслов, свистнув Вожжову, прижал палец к губам и указал на кусты. Они слишком давно служили вместе, а потому все знаки оказались понятны Вожжову. Он залил огонь и нырнул в кусты.

Когда Самойлов выехал на поляну, то увидел лишь дотлевающий костер, небольшой нож, явно служивший еще полминуты назад бритвой своему владельцу, да котелок с дымящейся кашей. По всем приметам он понял, что из кустов за ним наблюдают. Ну что ж, хотите представления? Пожалуйте. Иван не спеша покинул седло и подошел к одиноко висевшему котелку, взял плошку, заботливо поставленную около костра, плюхнул в нее добрую ложку каши, потом подождал, но поскольку компанию ему никто не составил, добавил к

первой еще пару щедрых, с горочкой. Вдохнул полной грудью приятный аромат и снял пробу. Каша оказалась отменной, но Иван решил раззадорить тайного зрителя:

- Недосолили! – громко поставил он оценку лесной стряпне.

Но выдержка у наблюдателя оказалась отменная – ни одна веточка не шевельнулась вокруг. Иван понял, что представление пора кончать, а потому крикнул:

- Эй! Хватит по кустам шариться!

В этот самый момент он почувствовал приставленный к спине ствол. Так и застыл с поднятой в руке ложкой – глупый вид, но ничего не попишешь: обыграл его наблюдатель.

- Оборотись-ка, дружок, только медленно!

Самойлов подчинился. Картина, открывшаяся его

взору, не сулила ничего хорошего. По напряженным лицам и наставленным ружьям он понял, что в целом зрители остались недовольны увиденным представлением. Драгуны явно не были рады незваному гостю, да к тому же обладавшему зверским аппетитом. Оценив ситуацию, Самойлов не стал лезть на рожон с начальственным тоном, наоборот, взял эдакий дружеский, даже разухабистый. Такой у них был принят в полку. Видимо, без доброй шутки тяжело солдату, потому как смерти каждый раз в глаза смотреть не всякий может. Вот и сдабривают служивые свою жизнь то шуткой, то байкой.

- А я-то думал, кто ж это костер в дозоре палит! А это наши драгуны греются! Хоть кашу сварили и то ладно...

Один из драгун расплылся в улыбке:

- Ладно скалиться, ты руки-то опусти!

Эта команда понравилась Ивану больше первой, а потому он охотно подчинился и сел на поваленное дерево. Затем покопался в сумке, достал свернутую в трубочку бумагу и протянул улыбчивому драгуну со словами:

- Приказывают нам встретить карету. От реки сопроводить до самой столицы. Вопросов не задавать, внутрь не заглядывать. Это тайный посланник, вроде.

Тот повертел приказ в руках и протянул товарищу. Второй драгун осмотрел письмо, но, видимо, грамота не была его сильной стороной, он погладил роскошный ус и сказал:

- Тайный - значит, тайный!

Долгие годы солдатской службы приучили его к мысли, что приказы начальства и обсуждать нечего - все равно исполнять придется.

Глава IV,

из коей пока не ясно, кто мышка, а кто кошка

Придворный художник Таннауэр, быть может, и хотел польстить графу Петру Толстому, но портрет его работы недалек был от оригинала. Несмотря на почтенный возраст, а Толстому на портрете уже за 70, на нем изображен отнюдь не старец, согбенный судьбой. Кафтан и парик по последней моде выдают в нем щеголя. А взгляд каков! Ироничный, с прищуром. И лицо умное, волевое. Брови вразлет, тяжелый подбородок и тонкие, плотно сжатые губы. Посмотришь, и сразу видно, что перед тобой вельможа с живым умом, не лишенный, однако, и пороков в духе своего века. Ходил про графа анекдот, будто сам Петр так отрекомендовал его: «Человек очень способный, но когда имеешь с ним дело, то нужно держать камень в кармане, чтобы выбить ему зубы, если он захочет кусаться». А «кусал» Толстой изощренно и наверняка. Не зря от него ведет Русь-матушка историю тайного политического сыска. И хотя руководил Петр Андреевич Тайной канцелярией не единолично, а стоял во главе коллегии, все же его подпись почти на всех документах значилась первой. И только Толстой имел право доклада Петру о делах своего ведомства.

Петр Андреевич начинал поздно. В 52 года был послан царем в Венецию изучать военно-морское дело. Но флотским офицером так и не стал, его ждало дипломатическое поприще. Особо отличился граф в истории с наследником. Это он сумел, избежав дипломатического конфликта, уговорить беглого царевича вернуться из Австрии в родные пенаты. Алексей Петрович был осторожен, никому не доверял, а Толстому поверил, ведь тот обещал ему отцовское прощение. Доверчивость стоила наследнику жизни, а Толстой получил щедрые земельные пожалования и стал действительным тайным советником «за показанную так великую службу не токмо ко мне, – говорилось в царском указе, – но паче ко всему отечеству в привезении по рождению сына моего, а по делу злодея и губителя отца и отечества».

И в нашем романе сей персонаж сыграет не последнюю роль.

– Ну что же наш масон? Заговорил? – обратился Петр Андреевич Толстой к Ушакову.

Ничто в его фигуре не выдавало заинтересованности: он стоял у решетчатого окна и кормил попугая в клетке. Но Ушаков знал, насколько важна для Толстого сия информация, а потому поспешил с ответом:

– Да, Ваше сиятельство! Думаю, что князь ждет тайных гостей. Генерал масонского Ордена обещал поддержку Папы и всех европейских держав, если Меншиков станет регентом.

Он так и знал, что этот торгаш предаст его при первом же случае! В споре о престолонаследии Толстой с Меншиковым оказались по одну сторону. Благодаря их усилиям Екатерине удалось удержать власть. И вот только поманили этого корыстолюбца заморские гости, как он уже спешит обойти своих же сподвижников. Да не по зубам пища!

– Знать, не зря тогда царь выхлопотал Алексахке титул князя Римской империи, – произнес Толстой.

– Если с наследником что случится. – наступил на мозоль Ушаков.

– То ему до короны рукой подать! – прошипел Толстой в возмущении. Ушаков словно читал мысли, которые Петр Андреевич до поры до времени желал оставить при себе. – Что-то еще? – спросил он, справившись с возмущением.

Ушаков сделал вид, что эмоции Толстого остались им не замеченными. Да и не об этом сейчас речь. В руках Андрея Ивановича оказалась куда более ценная информация, о которой не ведали ни Меншиков, ни Толстой. И он поспешил поделиться догадкой:

– Одним из важных масонов в России был некто Фалинелли, итальянский посол в России.

Толстой продолжал думать о своем.

– Он же умер. – сказал он весомо, давая понять Ушакову, что сей персонаж ему знаком.

Ушаков пропустил возражение графа мимо ушей и продолжал:

– После смерти его дела принял сын. Еще при царе Петре он сосредоточил значительные средства в России. Меншиков вряд ли знает об этом, а вот эмиссары Ордена, скорее всего, интересуются деньгами Фалинелли. Думаю, регентство, одобрение Папы – это так, удобная ширма.

Толстой покрутил крышку чернильницы, взятую со стола:

«Ах, вот оно что! Александр Данилович вздумали со мной в кошки-мышки играть. Хорошо, поиграем! Только сначала определимся, кто из нас мышка».

– Забавно, – улыбнулся Толстой. – Давай-ка сделаем их тайный приезд явным. А там посмотрим.

Глава V,

об усах и командирах

Они выехали с заставы вечером того же дня. Да и чего медлить? Медлить ни к чему – поручение уж больно безотлагательное. Передохнуть Самойлов толком не успел, вследствие чего и настроение у него было не ахти. Да и шутки, которые то и дело отпускал в его адрес Вожжов, самочувствия не улучшали. Иван старался скрыть раздражение. Несмотря на то что роль старшего в отряде выпала ему, главенством своим он не бравировал и сохранял спокойную уверенность. Вожжов же воспринял молчание молодого драгуна как слабину и болтал не переставая.

– Вот сколько служу, – сокрушался он, многозначительно глядя на Маслова, – меня ни разу наш капитан Линц старшим не назначал!

– Ну какой смысл тебя назначать старшим? – усмехнулся Маслов. – С твоими-то усами?

– Чего? – воззрился на Маслова озадаченный Вожжов.

Он никак не ожидал такого подвоха со стороны старого товарища.

Но того пробрало:

– Тебя как увидят – в первого и пальнут!

– Почему? – Вожжов в возмущении даже приостановил лошадь.

– Да такие усы только у главного в отряде могут быть, – весомо пояснил Маслов.

Самойлов, ехавший чуть впереди, улыбнулся.

– А? – снова переспросил озадаченный Василий.

– Ага! – передразнил его Маслов и, указав рукой, сказал: – Вот и поезжай впереди!

Вожжов отмахнулся:

– А ну тебя!

Неподалеку тем временем показался мост через болотистую речку. Самойлов остановил отряд. Спешившись, он оставил новых своих друзей с лошадьми, а сам подошел к дороге и присел. Разглядывая следы, Иван словно обряд какой совершал: провел рукой по земле, погладил траву на колее, потом поднес руку к лицу и принюхался. Бывалый Вожжов, глядя на необстрелянного юнца, снова не смог удержаться от шутки.

– Как ты думаешь, – спросил он у Маслова, оскалившись в улыбке, – он запах чует, как собака?

– А кто его знает. Может, и чует. – Маслов не был настроен столь иронично. Он видел, что Иван, несмотря на незрелость, и лес чувствует, и следы читать умеет. – Знаю, что пока он ни разу не ошибся.

И словно в подтверждение его слов Самойлов выпрямился и размеренно произнес:

– Похоже, карета еще не проехала.

– Ты это как, на нюх решил? – все еще пытаюсь держать марку, усмехнулся Василий.

– Нет, на ощупь, – в тон ему ответил Иван.

– Никогда не понимал, как люди лошадиное дерьмо трогают.

– Тихо! – цыкнул на товарища Маслов, услышав чей-то крик. – Слышите?

Все застыли в напряжении. Из лесной чащи вновь донесся чей-то возглас. И в тот же самый миг раздался слегка приглушенный выстрел.

– Это почти рядом. Поехали! – скомандовал Самойлов.

Отряд пустил лошадей во весь опор, но все равно опоздал к развязке. Зрелище, которое открылось взгляду драгун, едва они выехали на поляну, красноречиво свидетельствовало об этом.

Посреди поляны стояла карета, на козлах которой полулежал мертвый кучер. Иван бесшумно покинул седло, взвел курок пистолета и рывком распахнул дверцу. Увы, внутри никого не было. Самойлов с надеждой кивнул на кучера. Вожжов, без слов поняв приказ, повернул того лицом вверх и отрицательно покачал головой:

– Отмучился раб божий. А лошадей-то, глянь, увели.

Да, лошадей при карете не было. Иван и сам это ясно видел. Он присел, взглядом отслеживая две свежие полосы на сырой земле. Рукой показав направление, в котором разбойники скрылись вместе с жертвами нападения, он задумчиво произнес:

– Судя по всему, живьем их взяли. волокни во земле. А здесь след обрывается, значит, скорее всего, поперек седла положили. Отсюда повезут недалече.

– Здесь неподалеку какой-то сгоревший монастырь есть... – сказал Маслов.

– Женский? – поинтересовался Вожжов.

– Да почему я знаю? Там одни развалины.

Самойлов решительно отряхнул руки и скомандовал:

– Едем!

Отряд снова двинулся в путь, указанный командиром.

Глава VI,

в коей наш герой хоть и оказывается в месте богоугодном, но попадает к черту на сковородку

Через некоторое время на горе и в самом деле показался монастырь. Вернее, то, что от него осталось: сгоревшая церковь и ряд построек, расположившихся полукругом.

Драгуны решили не рисковать, они спешились и почти бесшумно подкрались к полуразрушенным стенам. Иван достал зрительную трубу. Сцена, которую он увидел, подтвердила самые тяжкие опасения. У костра, разложенного возле развалин, сидело восемь человек колоритной наружности. Одеты они были весьма разнообразно. Видно, кому что после того или иного грабежа досталось, тот то на себя и натянул. Лица были под стать одежде – разносортные. Может, дезертиры, может, беглые. Одним словом, разбойники, лихие люди. Это Иван сразу понял.

А вот и те, кого князь Александр Данилович Меншиков приказал сопровождать к нему без происшествий. Два пленника были привязаны к полуразрушенной колонне. Вот тебе и сопроводили! Первое задание друга отца – да какого друга! – и такая промашка. Чуть-чуть видно не успели. Но чего теперь горевать? Пора действовать! Однако прежде стоит оценить обстановку. Охотничья сноровка подсказывала, что с кондачка такое дело не решить. По всему видать, люди серьезные, и кони у них хорошие – вмиг догонят. Один из разбойников как раз расседывал лошадей неподалеку от пленников. Самойлов перевел трубу на здорового детину в польской одежде. Судя по тому, как пытался услужить ему узкоглазый калмык, это и был главарь шайки.

Видно, чтобы еще более угодить старшему, калмык, не выпуская миски с едой из рук, встал и направился к пленникам. Хоть и одеты те оба были в мужскую одежду, но Иван ясно видел, что один из несостоявшихся «инкогнито» – молодая

женщина. Довольно скалясь, калмык протянул пленнице на острие кусок мяса. Та отстранилась. Тогда узкоглазый сам снял зубами с острия мясо и, пережевывая его, стал водить лезвием по горлу девушки, поднося его к завязкам рубахи, скрывающим грудь. Ее товарищ по несчастью задержался, сделав попытку вырваться из пут. Разбойники загоготали. Калмык, очевидно рассчитывавший на подобный успех, остался доволен произведенным впечатлением.

Иван протянул трубу Вожжову, снял треуголку и накинул на мундир плащ. Одного взгляда на шайку у костра Вожжову хватило, чтобы понять Иванов план.

- Ты чего удумал?

- Другого пути, как к ним в гости податься, я не вижу, - ответил юнец, вытирая травой потные бока лошади.

- Так, может, вместе? - спросил Маслов. Самойлов обернулся и, уверенно взглянув в лицо драгуну, произнес:

- Одного они не побоятся. А ежели все заявимся, тут всякое может случиться. Будьте наготове.

- Эх, дружок, - ласково протянул Вожжов, которому незрелый смельчак начинал нравиться все больше, - на рожон лезешь! Может, подождем?

- Иного случая может и не представится, - ответил Иван, вскочил на коня и двинулся к церкви.

- Бог в помощь, люди добрые! - крикнул он, выехав из кустов.

Разбойники, явно не ожидавшие появления гостя, занервничали, хватаясь за оружие.

– И тебе не хворать! – в тон Самойлову гостеприимно произнес главарь, но руку все же положил на рукоять пистоли.

– Это кто ж ты у нас будешь? – спросил один из казаков, беря лошадь Самойлова под уздцы. – Драгун, что ли?

– Драгун, драгун! – продолжая игру в добродушного гостя, ответил Самойлов.

Он покинул седло, оставив лошадь на попечение казака, по-свойски подошел к костру и, сев напротив главаря, протянул к огню замерзшие ладони.

– Ну? И какими судьбами тебя занесло сюда? – улыбнулся поляк, попыхивая казацкой люлькой.

– Вот и я думаю. Какими судьбами ты решил на себя беду накликать? – вопросом на вопрос ответил Иван.

Главарь недоуменно взглянул на незнакомца:

– Мудрено говоришь, не пойму я тебя.

– Да полно, – усмехнулся Самойлов. – Ворон ворону глаз не выклюет. Потолкуем?

Вожак снова пыхнул люлькой и коротко переглянулся с калмыком. Тот зашел за спину Самойлову и, поигрывая ножом, казалось, только ждал удобного случая. От Ивана не ускользнуло ни одно движение хитрого поляка, но он по-прежнему делал вид, что ничего не замечает. Самойлов неспешно оглядел привязанных пленников и развалины монастыря.

– Я смотрю, вы место-то не случайно выбрали, грехи замаливать, – кивнул Иван на церковь.

Главарь оглянулся на храм, потом, бросив словно нечаянный взгляд на калмыка, согласился с гостем:

– Да, место не случайное. Богоугодное!

Именно на этом слове, сказанном столь многозначительно, калмык и сделал свой бросок. Да не на того напал! Бывалый охотник Самойлов, не вставая, лишь отпрянул в сторону и подставил калмыку ногу. Тот перелетел через нее и замер со звериным оскалом на хитрой морде. А что ему еще оставалось? Наш герой приставил к разбойничьему горлу нож и как ни в чем не бывало спросил:

– Ну, а ты какому богу молишься? На гостя сзади-то нападать негоже!

Главарь довольно пыхнул своей люлькой – он оценил ловкость незваного гостя.

– Прыток ты, братец! – Поляк неспешно поднялся. – Ну пойдем потолкуем, – бросил он на ходу Самойлову. – Яцура, оставь нас! – приказал он калмыку, со звериной преданностью бросившемуся за хозяином.

Конечно, драгуны не могли ничего слышать, но труба, оставленная командиром, позволяла лицезреть всю сцену до мелочей. Лишь сумерки, скрывшие удаляющихся от костра собеседников, не позволили Маслову и Вожжову наблюдать картину событий дальше. Маслов отнял от глаз трубу.

– Вроде обошлось, – произнес он, не оборачиваясь. – Везучий наш Ванька – слов нет!

– В чем везучий-то? – усмехнулся Вожжов.

– Вот мы с тобой комаров кормим в лесу на холоде, а он – в тепле, у огня.

– А-а-а! – махнул рукой с досады Вожжов. – Не хотел бы я с ним местами поменяться. Лучше на холоде, да живому, чем у черта на сковородке.

– Трусоват ты, брат, – сделав это заключение, Маслов вновь стал смотреть в трубу, пытаясь выхватить из сумерек знакомый силуэт в плаще, благо, что полная луна заняла свое законное место.

Тем временем Иван вместе с главарем подошел к пленникам, сидящим спина к спине.

– Ты хоть знаешь, кого на свою голову схватил? – спросил Иван, оглядывая французов.

– Кого?

– А того, что завтра два полка весь лес прочешут и тебя, дурака, с твоим войском на первой же березе и вздернут. Рядком.

– Ой ли? – загоготал разбойник, и банда отозвалась дружным смехом, словно эхо в горах.

«Вымуштрованы как у него бандиты!» – мелькнуло в голове у Ивана, а до слуха донеслось:

– Что-то не верю я, что за двух вшивых иноземцев гвардия в лес по грибы пойдет.

– Мил человек, тебе, чтоб поверить, ждать до полудня осталось. А уж потом не обессудь! Да и на что они тебе?

– Думаю выкуп просить.

– Выкуп? Ха, – крикнул Самойлов. – Только кого пошлешь за выкупом-то? С тобой и с косоглазым твоим разговор короткий будет – за ребро и на крюк!

– А ты что ж, хочешь, чтоб я их отпустил? – удивился главарь. – И кто это тебя послал, коли два полка завтра в лес собрались?

Ивану порядком надоело разглагольствовать с этим не самым приятным собеседником, а потому он попытался свернуть разговор:

– Вот тебе мой сказ: забирай все, что взял в карете, и беги! А нашей встречи, почитай, и не было.

– А ты, значит.

– А я, значит, – оборвал Самойлов непонятливого визави, – утром их сам отвезу. И облавы не будет.

Главарь оглянулся на пленников, пытаясь оценить пользу предложенной сделки:

– Н-да, хороша девка! – засомневался он. – Жаль такую задарма отпускать.

– Девка-то? Да, девка хороша! – согласился Самойлов. К чему отрицать очевидное?

Главарь перебил Ивана и резко изменил тон:

– А вот тебе мой сказ! Вышлю я поутру дозорного. Ежели правду сказал, быть по-твоему! А ежели соврал – на кол посажу. Отдыхай пока. Токмо шпажонку свою и пистоль отдай.

Тут же словно из-под земли вырос калмык и принял у Самойлова оружие.

Глава VII,

о панталонах, париках и сердечном трепете

Варенька Белозерова не считала себя красавицей: плечи узковаты, шея не так чтобы очень длинна, носик курносый, как у простолюдинки. И щеки слишком бледны. Правда, бледность нынче в моде, но все же румяная, озорная, златокудрая сестрица Сонечка всегда казалась ей куда как милее. Однако смотреть на себя в зеркало Варя любила, особенно нравилось ей неспешно приглаживать волосы гребнем, следя при этом, как рассыпаются они после пушистой темной волной по плечам. Вот и теперь сидела она, простоволосая, в полумраке спальни и задумчиво глядела на свое отражение, медленно расчесывая густые пряди. Соня между тем никак не могла утихомириться: еще утром не сумела она сыскать голубых лент, что так шли к ее волосам, пришлось

вплести белые, а это выглядело совсем уж блекло, и теперь, перед сном, она снова принялась все осматривать и нетерпеливо выворачивать, а вдруг где и отыщутся. Но ленты все не находились, Соня собралась было звать на помощь служанку Стешку, как дверь в комнату распахнулась и обнаружила за собой тетку важного вида, которая не преминула войти и строго оглядеть своих подопечных. За теткою вкатился ворох тряпья (девка-прислужница едва видела, куда несет пышные господские платья и разнообразное нижнее белье), каковой, впрочем, был тут же бережно возложен на кресла.

– Вот новые платья, что для ассамблеи привезли. Примерьте, – тетка явно не слишком одобряла эту затею, однако миссию свою считала важной и следовала ей с достоинством. Еще раз смерив сестер суровым взглядом, она покинула комнату. Стешка осталась, готовая прислуживать. Однако ее так и распирало. Не выдержав, она схватила лежащие сверху панталоны и расхохоталась:

– Я не знаю, прям как ни крути, а суть – штаны мужицкие!

– Уймись ты, носят так нынче в Европах, – Варя сердито выхватила панталоны.

Тяжелые шаги за дверью заставили всех встрепенуться: в комнату стремительно вошел Белозеров, красное одутловатое лицо коего не предвещало ничего хорошего. Отец, так и не принявший сердцем петровских перемен, всегда крепко серчал, когда ему напоминали, что родовые привилегии его остались в прошлом, а старые добрые времена навсегда канули в Лету. И нынче холоп давешний ему, столбовому боярину, указывает, и поди не подчинись! Заступиться некому. Платья прислал, мол, обряжай, как велено!.. А еще девицы на выданье, пристроить надо. Вот и приходится на старости лет изворачиваться, любезничать да кланяться, спины не жалея, себя не помня, лишь бы при дворе удержаться.

Белозеров грузно опустился в кресло.

– Опять свои бесовские сборища Алексашка устраивает! «Послезавтра извольте на ассамблею». и тряпок прислал, будто без него мы голые ходим, – старик скривился, передразнивая посыльного: – «А это для дочерей ваших!» Опять

холопы в париках, что из грязи да в князи, будут вокруг тереться. Тьфу! – Поднял глаза на притихших девиц, смягчился: – Что молчите? Рады, небось? Вижу, рады. Эх, стало быть, придется на воскресенье к Меншикову ехать...чтоб его! Прости Господи.

Он еще раз хмуро глянул на дочерей, тяжело поднялся и вышел, стукнув дверь. Сестры весело переглянулись и прыснули.

– Это же через два дня! – Соня одними пальцами взяла верхнее платье и, пританцовывая, направилась к зеркалу. Варенька задумчиво теребила панталоны:

– Интересно, кто там будет?

– Ну, Долгорукие, как обычно. Рамадановский младший будет точно. Погоди-ка, а ты кого там увидеть хочешь? – Софья резко развернулась, с удовольствием наблюдая, как затрепетали воланы на платье.

– Да никого!

– Ну-ка, посмотри на меня, – Сонечка подбежала к сестре и обеими руками развернула к себе, заглядывая в глаза. – А я знаю кого! Никак того солдата с улицы, такой. «честь имею представиться!»

– Он не солдатик, а сержант, – вспыхнула Варя.

– Меня не обманешь, я все вижу! – На лице младшей уже вовсю играла озорная усмешка.

– Ах, ты так?

И размахивая все теми же панталонами, старшая кинулась догонять расшалившуюся сестрицу. Та – от нее. Топот башмачков, шорох платьев, стук упавшего стула, звонкий смех – все это прекратил окрик внезапно появившейся тетки:

– Эй! Ну-ка! Уж о венце думать пора, а все как дети малые! Ну-ка, спать!

Оценив произведенное впечатление, тетка важно удалилась, Стетттка скорчила потешную гримасу и поспешила за ней. Сей эскорт окончательно развеселил сестер: звонко смеясь, они ринулись за ширмы к постелям.

Глава VIII,

в коей спаситель, сам того не желая, оказывается пленником

Хоть ночь окончательно вступила в свои права, но светло было словно днем. Полная луна, как назло, озаряла небосвод, не оставляя шансов пробраться к пленникам незамеченным. Самойлов лег, накрывшись плащом, так, чтобы быть лицом к сидящим у столба иноземцам, и начал ждать подходящего случая.

Иван сызмальства запомнил любимую охотничью поговорку отца. Тот часто ее повторял, уверяя, будто обучился ей у самого Петра, бывавшего в Европах и тамошние порядки уважавшего. Звучала она для русского уха непривычно – «Фестине ленте», но означала вполне понятную для каждого охотника вещь: «Поспешай медленно», проще говоря «Поспешишь – людей насмешишь». Но Иван привык именно так «Фестине ленте» – все-таки отцова школа всего надежнее. Да и не к чему на охоте спешить, выдержку иметь надо – тогда и трофей тебе обеспечен. А коль горяч ты и нетерпелив, тогда дома сиди да баб топчи – так поучал его батюшка. Зачем баб надо топтать, мальчонка не понимал, а вот остальную отцову науку превзошел, и не раз она его из беды выручала.

Вот и сейчас терпение Самойлова было вознаграждено. Лагерь постепенно затихал. Едва последний казак, сидевший на ночном посту у костра, смежил веки, опершись на ружье, Иван бесшумно рванул к нему. Маневр он рассчитал до мелочей – времени было хоть отбавляй, да тут еще и темное облако накрыло диск луны. Воспользовавшись сим благом, Иван наотмашь ударил часового по голове, тихонько опустил его обмякшее тело на влажную траву, взял ружье и оглянулся на пленников.

Встретившись с девицей взглядом, он прижал палец к губам:

– Тсс!

Пленница кивнула головой в знак согласия. Самойлов разрезал веревки, стягивающие руки у нее за спиной, затем освободил ее компаньона и показал обоим направление побега. Пригибаясь, «тайные» визитеры стали выбираться из разбойничьего лагеря. Иван огляделся – вокруг было по-прежнему тихо. И вдруг до его слуха донеслось знакомое ржание – без сомнения, это был его конь, он почуял хозяина и призывал того к себе. «Да, на лошадях-то мы враз уйдем», – мелькнуло в голове у нашего героя.

Пригнувшись, он пробрался к гнедому жеребцу. Подтянув подпругу, Иван бросил прощальный взгляд на лагерь, повернулся к лошади, чтобы сделать прыжок в седло, но не тут-то было. На него в упор смотрели блестевшие ненавистью глаза Яцуры. Калмык положил руку на спину лошади и приставил клинок к горлу Самойлова:

– Хитрый. Шайтан!

Тем временем две легкие фигуры быстро удалялись от монастыря. Девушка и ее спутник вмиг забыли о затекших от неподвижности ногах и устремились к свободе с приставшей случаю скоростью. Луна услужливо освещала поляну, отделявшую монастырь от леса, и позволяла различить среди деревьев силуэты спасителей и их лошадей.

Здесь я ненадолго прерву повествование, дабы пояснить читателю, что же за загадочная персона обрела нынче свободу с помощью нашего героя.

Мари, а полностью ее звали Мари Ан Доменик де Корвель, была седьмым ребенком в семье, да в придачу еще и младшим. Умирая, отец только погладил ее по голове и улыбнулся. Надежды, что он, обедневший дворянин, оставил в саду зарытый сундук с сокровищами, Мари не питала, а потому, как только ей исполнилось семнадцать, собрала свои пожитки в котомку и отправилась в путь. Она решила во что бы то ни стало добиться аудиенции у своего двоюродного дяди. Тот занимал какую-то должность в Ватикане, и Мари рассчитывала на его помощь. Однако чаяния сии не оправдались – ее даже не пустили на порог. Служка протянул ей пару экю и тут же захлопнул заслонку окошка на двери. Вот

так она и оказалась с дядюшкиной подачкой в кармане в ближайшей харчевне. Увидев юную красавицу, подвыпившие посетители задумали позабавиться, но не тут-то было: единственное, чему научил своих детей старый мсье де Корвель, так это держать шпагу в руках, да не только держать, но и неплохо с ней управляться. Остудив пыл обидчиков, юная Мари наконец села за стол в надежде утолить голод, но тут на ее плечо легла чья-то рука. Девушка вскочила, вновь выхватив шпагу, но человек тот продолжал спокойно смотреть на нее. Повременив немного, он вкрадчивым голосом произнес:

– Я не мог принять тебя, так как мое положение обязывает не видеться ни с кем, кроме избранных, но помочь тебе – мой долг. Судя по всему, ты одинока и храбра. Это то, что нужно. Никаких привязанностей и обязательств. Я как раз искал такого человека.

Так Мари попала к масонам, став членом той части братства, которая выполняла различные опасные поручения. Она бы и сейчас не допустила оплошности, если бы не внезапность, с которой шайка налетела на их карету. К тому же она и ее спутник задремали, утомившись от долгой тряской дороги. Но оправдания излишни, когда жизнь висит на волоске.

Вернемся же к моменту побега. Вот уже совсем близки фигуры спасителей.

– Давай сюда, давай! – выступившие из темноты драгуны с готовностью скрыли запыхавшихся иноземцев за своими спинами, позволяя им отдышаться и высматривая, нет ли погони.

Маслов, правда, тут же всполошился о товарище:

– А Ванька где?

Мари хотела ответить, но никак не могла перевести дух – холодный ночной воздух сдавил горло. В сию же минуту со стороны лагеря раздался шум. Вожжов поднял зрительную трубу и сразу понял, что дело худо: разбойники повскакивали с мест, Ивана уже скрутили и вели к главарю.

– Взяли нашего Ваньку! Ох, уходить надо, пока не поздно.

Маслов замер, так вглядываясь вдаль, словно Иван должен был подать ему знак, верно ли решение. Вожжов же круто развернулся и направился к лошади, но его остановил неожиданно властный голос спасенной иноземной девицы:

- Ви хотеть бросать ваш друг там?! - глаза Мари грозно сверкали.

Драгун несколько смутился, но тотчас совладал с собой:

- Я хочу спасти вас от гибели. Или вы желаете вернуться обратно?

- *Ca ne te suffit pas? Tu en veux encore?* - обрел, наконец, дар речи Ла Шанье, второй спасенный.

- Тебе этого мало? Ты еще чего-то хочешь?

Девушку, однако, это не остановило. «Один в

поле не воин» - она слыхала эту русскую пословицу. Знал ее, наверное, и тот молоденький офицер, что попался теперь, и все же не побоялся в одиночку отправиться вызволять их из плена. Такая отвага заслуживала уважения. То обстоятельство, что смелый русский был еще и весьма хорош собою, Мари отметила уже после, хотя в ее решении оно определенно сыграло не последнюю роль. Вот почему оставить своего спасителя на верную гибель она никак не могла.

- *Je n'abandonnerai pas celui qui m'a sauvé!*[1 - Я не брошу того, кто спас меня!] - заявила француженка, быстро подошла к лошадям и достала пистолет из кобуры. - Если кто готов мне помогать, то я жду пять секунд.

- Вот это баба! - вполголоса проворкотал Вожжов. - Ну ладно, коли так, повоюем.

- Н-да! - озадачился Маслов. И тут же, приняв ситуацию, подошел к девушке и взял ее за руку. - Ежели вы, барышня, хотите пострелять, курок надобно взвести.

Ла Шанье с явной неохотой достал из седельной кобуры вторую пару pistols и, буркнув «Bien!», присоединился к маленькому отряду.

Глава IX,

о блеске металла и звоне золота

«Дурачина! – ругал себя Самойлов. – С конем тебе расставаться жалко было. Что ж, теперь с головой расстанешься!» Лагерь бандитов гудел, как улей.

– Ворон ворону глаз не выклюет, говоришь? «Товар» зачем отпустил мой?! – все больше горячился главарь, выказывая недовольство поведением незваного гостя.

Самойлов сплюнул кровь с губы:

– Чтоб не испортился.

– А-а, – протянул поляк и добавил: – Ну вот с утра на кол сядешь! Ребята, свяжите его, – приказал он и отправился спать.

Не пожелал ночью руки марать. Это и хорошо. Вон птица с ветки слетела, значит, не оставили его товарищи, рядом где-то, удобного случая ждут. Ну и он подождет. Куда теперь спешить? А пока он подставил руки довольному победой калмыку, тот связал их с усердием, и Самойлов занял место у столба, от которого еще недавно вызволил иноземцев.

Но не успел наш Ваня смежить глаза – день все-таки выдался не из легких, а вздремнуть все никак не удавалось, – как на опушке леса показались четыре фигуры, грохнули выстрелы. Трое бандитов покатались по земле, скорчившись от боли. Оставшиеся оказались не из пугливых, схватились за оружие, чтобы достойно встретить нападавших.

Но отряд, спешивший на подмогу Самойлову, и не думал отказываться от столь «теплой» встречи. Мари одним выстрелом уложила бегущего на нее с шашкой в руках казака и, выхватив у него из-за пояса нож, метнула в злополучный столб. Самойлов от неожиданности сначала опешил, но потом догадавшись, к чему сей ловкий маневр, начал резать путы на руках.

Другой бандит прицелился в хваткую французскую девку, но был опрокинут навзничь метким выстрелом Ла Шанье. Мари выхватила у убитого шпагу, но тут же пуля ожгла плечо, она осела от боли, и в этот миг за ее спиной снова выросла фигура Ла Шанье с двумя пистолетами в руках. Его выстрелы задержали бандита, рванувшего к Мари, чтобы добить раненую шашкой.

Помощь шевалье дала ей время, чтобы, собрав остаток сил, броситься на нападавшего с клинком в руках. Фехтовала она отменно, казак не ожидал такой прыти от хрупкой девицы, да к тому же раненной в плечо, и начал отступать. Прижав его несколькими выпадами к монастырской стене, Мари нанесла решающий укол в живот.

Едва Самойлову удалось перерезать веревки, как он увидел перекошенное лицо калмыка с занесенной над головой саблей. «Ну что ты будешь делать? Вот же привязался!» – мелькнуло в голове у Ивана, пока он уворачивался от удара Яцуре. Но калмык разошелся не на шутку, так что пришлось схватить первое, что подвернулось под руку. Это был внушительных размеров кол. Стрелять он не стрелял, но своему хозяину служил верно – Яцуре никак не удавалось добить вожака.

Вожжову достался главарь. Две мощные фигуры сошлись в смертельной схватке, силы были равными, но товарищи Вожжова уже вышли победителями – слишком внезапным для бандитов стало их нападение. Они окружили сражавшихся. Главарю ничего не оставалось, как прекратить бой и прижаться спиной к единственному оставшемуся в живых соратнику – калмыку Яцуре. Но даже в такой не самой выгодной для себя ситуации разбойники не думали сдаваться. Они держали оружие наготове и ждали нападения, как оцетинившиеся тигры. Порядком подуставшие драгуны не спешили начинать схватку. И тут раздался гортанный крик вожака:

– Уходим!

Яцура словно только и ждал этого приказа: он опрокинул Мари на руки Маслова и одним рывком бросился к лошади, да столь быстро, что Вожжов так и застыл от калмыцкой наглости, не в силах ничего ей противопоставить. Так бы и ускакал Иванов недруг, если бы не меткий выстрел француза. Он-то и вышиб Яцуру из седла. Гибель верного слуги на миг остудила горячность главаря, но буквально через мгновение он опять был готов к схватке. Ивану тоже не терпелось поставить последнюю точку в затянувшемся поединке. Он сделал несколько колющих выпадов, заставляя соперника пятиться, а в конце атаки отвесил поляку боковой удар тыльной стороной эфеса.

Тот оттер кровь с разбитых губ и кинулся на Ивана с удвоенной яростью. Отбив острие, он поднырнул под клинок и нанес бы Самойлову смертельный удар, не отшатнись тот в сторону. Клинок, на который он при этом оперся, сломался – сталь не выдержала веса тела. Иван спас себя, но лишился оружия. Он огляделся: поблизости валялся лишь обломок древка казацкой пики. Самойлов, не мешкая, подобрал его. Парируя сыпавшиеся удары противника, он с каждым разом укорачивал остаток копья – сабля главаря делала свое дело. И вот она разрубила то, что когда-то было опасным оружием, надвое. Два обрубка в руках драгуна не оставляли ему шансов на победу. Но сызмальства наш Ваня был обучен биться до конца. И он исхитрился-таки: отбив обрубком древка, зажатым левой рукой, саблю противника в сторону, он правой, которой держал другой обрубок с наконечником, дотянулся до цели. Острие воткнулось главарю в живот. Могучий поляк проковылял несколько шагов и упал на колени. Держась за живот и роняя кровь изо рта, он судорожно хватал воздух.

Вожжов усмехнулся и спрятал клинок в ножны. Француз зааплодировал:

– Bravo!

Едва первый луч позолотил верхушки деревьев, Самойлов велел своим спутникам собираться в дорогу. Вожжов начал седлать лошадей, прислушиваясь между делом к гортанному языку иноземцев. Надо же, как вороны каркают и при том друг друга понимают, чудно, право слово.

– Presque tout est là, l'essentiel, c'est qu'on ait de nouveau les letters. Tiens ton arme! [2 - Почти все цело, главное, что письма снова у нас. Держи свое оружие!] – Ла Шанье передал Мари веер.

Вроде бы обычная приправа к дамскому туалету, но как-то не вязалась она с мужским дорожным платьем Мари, кое к тому же после давешних происшествий за карнавальный наряд совсем уж выдать не удалось бы. Ну допустим, по приезде в столицу эту оплошность можно поправить, кринолин ей, верно, тоже пойдет, размышлял Иван. «Хороша девка!» – вертелись в его голове слова главаря-поляка, пока он украдкой следил, как красивая нездешней красотой Мари, которую не портили трудности дальнего путешествия, развернула и свернула веер.

И все-таки смекалка Ивана не подвела: не для праздных увеселений предназначен был сей предмет. Веер служил ножнами изящному кинжалу. Его металл на миг отразил утренние робкие лучи, а потом снова скрылся в необычном футляре. Да, по всему видно, что бумаги, сохранность коих первым делом проверил Ла Шанье, имеют немалую ценность для визитеров князя Меншикова, раз они так прекрасно вооружены. Хорошо, что хоть письма сии сохранить удалось.

– А с этими что будем делать? – услышал Иван голос Маслова. – Может, похороним?..

– Ага, щас я им крестов понаделаю и памятник поставлю! – привычно заворчал в ответ Вожжов.

– Негоже их здесь бросать-то. – Маслов был прерван на полуслове одиноким выстрелом, отозвавшимся многократным эхом в древних стенах.

Очнувшийся главарь сделал свое черное дело: драгун лежал бездыханный на сырой земле. Несмотря на тихий и мягкий нрав, отваги Маслову было не занимать. Не раз он шел в атаку на басурманов за землю русскую, за царя-батюшку, в каких передрягах только не был, но всегда хранил его Господь. А здесь, в стенах древнего монастыря, не уберег. Злодей, накануне проигравший в

честном поединке, отмстил столь низко – выстрелом в спину, но тут же получил по заслугам: Мари прострелила ему голову из миниатюрного пистолета, который только что вернула себе.

Пришлось Вожжову все-таки копать могилу, правда, для Маслова. И крест поставил. Вот только не было времени горевать, надо было сполнять службу государеву, а она, как известно, промедлений не терпит.

Отряд продолжил сборы. И когда Самойлов уже подтягивал подпруги у своей лошади, чтобы вскочить в седло и двинуться в путь, Мари подошла к нему:

– Ты есть настоящий храбрец! – начала она с сильным акцентом. – Я буду все говорить твой начальство. Mercі.

– Да какой там храбрец?! Попался, как дитя малое.

– Вы сослужили кароший служба мне и французский корон, – прервал его Ла Шанье. – Это вам, – он протянул Самойлову кошелек. – Если вы готовы и дальше служить, я буду вам еще платить всякий раз.

– Месье. – попытался возразить Самойлов.

– Шевалье Ла Шанье! – отрекомендовался француз.

– Вот что я вам скажу, шевалье, службу я свою не исполнил. Мне сказано было встретить карету, внутрь не заглядывать и в разговоры с вами не вступать. Сопроводить вас до столицы. А вот как вышло!.. Так что оставьте ваши деньги при себе.

Но тут не выдержал Вожжов:

– Это что ж это получается, ты за всех все решил? А то, что мы рисковали головой, вызволяя их из плена, об этом ты запомнил?

Упрек попал в цель. Головой рисковали все. Но поручение было их главной целью, а пока выходило, что они его не выполнили, как было приказано. Все это промелькнуло в голове у Ивана.

– Мы нарушили приказ, – спокойно объяснил он Вожжову свой поступок. – Карету мы не встретили, а посланников отбили у разбойников. И слава богу! И вообще решения здесь принимаю я, на правах старшего, – он впервые напомнил своему товарищу о субординации. Но Вожжова это напоминание лишь еще более задело, и он в сердцах крикнул Ивану:

– Ах да! Совсем забыл! Прости дурака! Ты об этом Маслову, покойнику, расскажи. Значит, как рисковать головой – тут все мы горазды, а как только получить заслуженную награду, вот тут у нас с головой беда какая-то происходит! Может, тебе юродивым заделаться, честный ты наш?!

Может, Вожжов и покрепче бы выругался, но присутствие дамы сдерживало сей порыв. Дама тем временем улыбнулась:

– Мне кажется, ми это можем исправить!

– Что? – переспросил Иван.

– Ми снова сядем в карету, ваш друг может править. А вашему начальству ми говорить, что наш кучер заболел по дороге.

Все замерли в ожидании ответа. Самойлов вздохнул, казалось, он колебался. Посмотрел на девушку, она ему улыбнулась. «Сейчас он сдастся», – подумала про себя Мари. Иван перевел взгляд на Вожжова. Наконец, махнув рукой, произнес:

– Ладно. Карету мы, допустим, заложим, и доставить вас – доставим.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Ла Шанье, подбросив на руке кошелек.

Вожжов довольно ухмыльнулся. Самойлов тоже повернулся к лошади, еще раз подтянул подпругу и закончил мысль:

- Только по приезде я обо всем доложу, как оно было.

- Тьфу ты, неладная, прости господи! - плюнул в возмущении Вожжов.

- Я за каретой, а вы пока собирайтесь, - сухо проговорил Иван, вскочил в седло и, взяв вторую лошадь под уздцы, поскакал к лесу.

Лишь только Самойлов скрылся, Вожжов обернулся к французам:

- Вы давеча говорили, что вам верный человек нужен.

Ла Шанье посмотрел на него и переглянулся со спутницей.

Глава X,

о том, что в России слово *incognito* может быть истолковано весьма вольно

Карета катилась по российским просторам, преодолевая версты и мили, трясясь на ухабах, покрываясь пылью и грязью того, что на Руси зовется дорогами, а по всей Европе бездорожьем. Везла карета иностранцев, не первых и не последних решившихся заглянуть вглубь столь загадочной для чужого ума страны, отважных в своей решимости и наивных в своих притязаниях, ибо понять и полюбить сию державу можно только сердцем. Пройдут годы, и Великая русская государыня заграничного происхождения покажет всему миру, как можно любить чужую родину. А пока у кормила власти стоит ее тезка по православному имени, товарищ по причудливо обернувшейся судьбе быть единовластной правительницей чужого государства, но совсем другая по замыслам, чаяниям и делам императрица. И именно в эти дела, точнее, в дела ее именитых придворных, намерены были вмешаться подопечные нашего героя, так заботливо им оберегаемые.

Мари с любопытством разглядывала из-за занавесок кареты открывавшиеся пейзажи. «Эти русские», о которых она так много слышала от земляков, были ей странны и непонятны. Изучая язык с помощью православного попа, которого ей приставили в Ватикане, она подолгу выговаривала незнакомые слова, пока, наконец, не уловила их мелодику. То ли у нее были способности, то ли учитель попался толковый, но уже через пять недель она вполне бегло изъяснялась, хоть и с чудовищным акцентом. Первый же встреченный русский (если не считать разбойников, каковые везде схожи) показал примерную доблесть и покорила ее своим бесхитростным благородством. Его твердый отказ принять заслуженную награду вызвал у Мари уважение. А стремление поведать начальству всю правду без прикрас убедило, что перед ней простой служака. «Может, таков и есть «русский нрав», но этому «медведю» надо все-таки дать понять, что мы не простые курьеры, а важные персоны. Вдруг образумится? А то заладил: «Расскажу все, как было». Невдомек, что это пятно не только на его репутации. Ведь попались, как дети, в лапы этих головорезов!» Поразмыслив еще, она все же решила не вмешиваться в план Ивана: в конечном счете обаять Светлейшего князя не составит труда. В своих женских чарах Мари ни минуты не сомневалась, хотя ее спутника они и не трогали, правда, по иным причинам: Ла Шанье все больше заглядывался на бравых гвардейцев.

Дорога была долга и утомительна, пережитые тяготы давали о себе знать, клонило в дрему, но когда въехали в столицу, девушка вновь встрепенулась: столь интересен ей был вид и устройство такого молодого, но уже весьма знаменитого града Петрова.

Мари вслушивалась в окрики и обрывки фраз, долетавшие до нее. До сумерек было еще далеко, улицы были полны, особенное оживление царило возле торговых рядов. Иван, правивший каретой, пустил лошадей шагом, дабы ненароком кого не затоптать, посему молодая француженка хорошо могла различить лица и одеяния торговцев, простолюдинок, пришедших за товаром, солдат, прочего разносортного люда.

Ла Шанье, напротив, не мог дожидаться окончания путешествия. Едва потянулись лавки, в нос ударил резкий запах вяленого мяса. Француз брезгливо прикрылся батистовым платком и не отнимал руки от лица весь путь по городу. Внезапно процессия остановилась – дорогу преградили военные. Суровый офицер

перехватил поводья и, не давая править лошадьми, провозгласил:

– Именем Императрицы, следуйте за нами!

Сидевший на козлах Самойлов сразу понял, что справиться силой ему не удастся: гвардейцев при офицере было с десятков, все с ружьями. Иван решил вступить в переговоры:

– Я имею указание доставить сих гостей к князю Меншикову!

Но у служивых, видать, были четкие инструкции.

– Арестовать их!

Эта команда побудила солдат вскинуть ружья, а нашего героя спешно искать пути к бегству. Однако диспозиция в ту же минуту вновь резко изменилась: раздался негромкий, но властный окрик «Стойте!», подтвержденный для убедительности парой хлопков в ладоши.

И хоть сказано то было, повторюсь, негромко, на сии слова оглянулись все участники драматической сцены, окромя, разве что, лошадей. Военные расступились, обнаружив на заднем плане, у торговых рядов, важного вида вельможу, беспечно похрустывавшего соленым огурчиком. Оценив произведенное впечатление, Ушаков (а это был он) неспешно направился к карете.

– Раз это гости князя, дело совершенно меняется, – вкрадчиво заговорил вельможа. – Они не могут быть государственными преступниками или шпионами.

При таких словах Мари невольно бросила взгляд на Ла Шанье. Ушаков же бесцеремонно заглянул в окно кареты, сделался еще более довольным и продолжал:

– Ну, что я говорил? Здесь барышня и важный господин сидят. Они, видать, еще и простужены – ишь, платок какой большой. Эх ты, – обернулся он к Туманову – офицеру, что возглавлял отряд. – Обознался ты, братец! Сопроводить к князю!

Гвардейцы опустили ружья, Туманов хмуро посторонился и приготовился следовать за каретой.

– Вот тебе и тайные посланники, – пробормотал мрачный Вожжов, который ничего доброго от этой миссии уже не ожидал.

Самойлов оглядел Ушакова, солдат и тронул лошадей. Вскоре, теперь беспрепятственно, вкатились они в ворота уже знакомого нашему герою меншиковского дворца.

Глава XI,

в коей Иван попадает из огня да в полымя

Следуя за Тумановым по анфиладе дворцовых залов мимо придворных и различных просителей, Самойлов представлял, как будет докладывать о своей неудаче. На душе было темно: первое ответственное поручение от ТАКОГО сановника и с ТАКИМ треском проваленное. Стук сапог их многочисленного отряда, эхом повторенный под лепными потолками, насмешливо подтверждал, что визитеры прибыли как нельзя более «инкогнито». Со стороны, однако, наш герой выглядел спокойным, что несколько удивило Мари.

– Ви все еще не передумали? – спросила она, пытаясь понять, что стоит за сей бесстрастностью.

– И в мыслях не было, – твердо ответил Самойлов.

– А если это поставит под удар ваш карьер? – не унималась француженка.

– Чему быть – того не миновать! – отрезал Иван.

Разговор завершил Вожжов, который не мог и не хотел сдержать своего негодования и страха:

– У него сознание помутилось! От излишнего рвения! Ага! Всех нас под топор подведет!

За сими речами осталось незамеченным мелькнувшее среди придворных удивленное лицо Фалинелли, явно не ожидавшего встречи с такой процессией. Спohватившись, итальянец поспешил скрыться, пока его не обнаружили.

Уже на пороге кабинета Меншикова визитеры, к досаде своей, опять были остановлены Ушаковым, который был теперь не один, а в компании иного важного вельможи – графа Толстого. Андрей Иванович непременно хотел увидеть, как граф оценит «тайных» Алексашкиных гостей и каковое лицо будет у Светлейшего князя, когда тот поймет, что интрига его с треском провалена.

Толстой, как и ожидалось, остался весьма доволен:

– Надеюсь, что ваше опасное приключение закончится на пороге этого дома. Для нас была бы большим несчастьем потеря таких важных гостей.

Ла Шанье и Мари переглянулись, после чего француз проговорил:

– Благодарю вас, сударь! Мы понимаю, что живы благодаря вам и вашим людям, – отменная выдержка позволила ему не показать и тени досады.

Двери кабинета со стуком распахнулись, и сам Меншиков шагнул навстречу процессии. Нечего сказать, отнюдь не такой состав визитеров думал он лицезреть. Провал, полный провал всей затеи, пойман с потрохами, теперь придется выкручиваться. Знать бы еще, что этим сыскным ястребам удалось разведать! А Самойлов-то хорош, следопыт-охотник, называется! Он за дичью тоже с таким парадом отправляется? Эх, простота служивая! Подвел-таки. А эти хищники – Толстой с Ушаковым – прямо впились глазами. Нет уж, не доставим вам удовольствия!

- Ну! Что скажете, господа, о сем деле?

- Ваша светлость, - решился начать Иван, - приказали встретить карету и доставить инкогнито некую персону..

- Встретили?

- Нет, ваша светлость! Карета была перехвачена лихими людьми, коими дороги в тех местах изобилуют!..

- Значит, не встретили? - безжалостно оттягивал развязку Александр Данилович. Он почтительно поклонился Толстому и Ушакову, на Самойлова же не смотрел, отчего наш герой совсем потерял надежду на милость бывшего отцовского друга.

Но тут в разговор вмешалась Мари:

- Позвольте мне! Ваша светлость! Ваш люди и вправду не могли выполнять приказ!

Девушку нимало не смущали те обстоятельства, что говорит она с фактическим правителем государства, что на ней мужской костюм и что с дороги да после плена она выглядит не слишком отлично от весьма потрепанных драгун. В том, что распущенные по плечам черные локоны делают ее еще более обворожительной, она не сомневалась, посему тон ее был полон достоинства и самоуверенности.

- Не могли? - Меншиков насупился.

- Совершенно верно! Карета был захвачен до того, как прибыли эти господа! Мы им благодарны за то, что они вырвали нас из плен! И бог знает, где бы ми были теперь, если не доблесть этих людей!

- Ладно! Коли так, - князь продолжал хмуриться.

– Но если вы цените верную службу, дайте им наград, так как от нашей благодарности они отказались. Мы живы только благодаря их храбрости.

– Награду, говоришь? Ладно, будет им награда, – Меншиков кивнул, наконец, Самойлову с Вожжовым и отрезал: – Ждите, вас оповестят!

Затем посторонился, пропуская французов в кабинет, и решительно поставил точку в сей некстати разыгранной комедии, обратившись к Толстому и Ушакову:

– Ко мне?

Толстой замахал руками:

– Не смею обременять, мы лишь хотели убедиться, что ваши гости доставлены в целости и сохранности, – и поняв, что представление окончено, поспешил удалиться.

Ушаков последовал за ним, а наш герой с товарищем остались ждать своей участи. Двери кабинета затворились.

Глава XII,

о плюсах и минусах

Оставим теперь Ивана в тягостном ожидании и заглянем в кабинет князя, где неудавшиеся «инкогнито» оказались, наконец, наедине с тем, к кому они якобы были вызваны в эту далекую страну.

Меншиков теперь уже дал волю досаде.

– Вот тебе и тайная миссия! Дурачье солдатское!

– Не гневайтесь на них, Ваша светлость, – поспешила унять бурю Мари. – Это скорее плюс, чем минус.

– Какой к черту плюс? Вон Толстой с Ушаковым здесь объявились, чую, неспроста!

– Все, что ни делается, все к лучшему, – вступил в разговор Ла Шанье. Пора было переходить к делу, лирическое отступление слишком затянулось. – Ваши предпочтения по отношению к Ордену в случае успеха нашего дела будут в силе?

– А у вас есть сомнения? – Меншиков явно уходил от ответа.

Ла Шанье решил, что князь еще потерян и расстроен неудачей, а посему настал удобный момент для некоторого на него нажима. Он вынул из-за пазухи несколько листов, свернутых вместе.

– Надо поставить подпись на этих бумагах.

Меншиков поднял руку, взял листы и потянулся было за пером, но передумал, усмехнулся и кинул бумаги на стол:

– После вашего сегодняшнего «тайного появления» я, пожалуй, с подписями повременю, – Светлейший смерил гостей взглядом, обретшим наконец привычный задор. – А пока давайте придумаем правдивый повод вашего приезда.

Французы молча переглянулись.

Тем временем другие важные участники событий были весьма довольны результатами своих действий.

– Главное мы знаем – эмиссары прибыли! – удовлетворенно подытожил Ушаков.

– Только куда они нанесут удар? Я все больше склоняюсь к мысли, что женитьба наследника – это просто предлог. На кой ляд Алексашке нужна поддержка масонского ордена? Он и так давно вынашивает эти планы.

Толстой вдруг ощутил беспокойство: партия разыграна удачно, но каков будет исход всей игры? Меншиков хитер, так просто его не подловишь. Что-то больно ровно он держался, а ну как все и было так задумано?

– Меншиков тщеславен, а они этим умело воспользовались, – произнес Ушаков. – Его тешит сама мысль о славе монарха, пусть даже регента, но признанного в Европе. – И, словно прочитав мысли графа, добавил: – Странно другое: мы спутали им карты с тайным появлением, а они как ни в чем не бывало.

– В любом случае, следи пока за каждым их шагом, – решил Толстой. – Рано или поздно они проявят себя.

– А с этим юнцом что делать? – Ушаков оглянулся на еще ожидавшего решения Самойлова.

– Думаю, он – не игрок, хотя чем черт не шутит! – Толстой тоже посмотрел на нашего героя. – Парень ловкий. Вдруг Меншиков разыграл более тонкую партию, подсунув его нам, как пешку? Будь начеку!

И покровительственно потрепав Ушакова по плечу, граф пошел прочь.

Между тем «ловким парням» было ой как не по себе. Вожжов испытал определенное облегчение, что экзекуция окончена, однако со знаком «плюс» или «минус», никак не мог взять в толк. Меншиков, будь ему трижды беспокойно, держался неприступно, слова Мари действия на него, по всему судя, не возымели, а приказ ждать известия прозвучал и вовсе угрожающе. Вот и дождался награды за службу, нечего сказать. А все Иван, послал господь дурака командовать!

– Ну, если нас завтра не подвешат на дыбу, то четвертуют точно.

– От сумы и тюрьмы. – откликнулся Самойлов.

– Э-эх! – не выдержал Вожжов. – Ты хоть знаешь, кто стоял рядом со Светлейшим?

– Нет! А что?

– Что-что? Это бывший начальник Тайной канцелярии Ушаков! А сейчас и Приказом командует. Заплечных дел лавка! Людишек, знаешь, сколько через него погублено? Чуть что не так сказал – за ребро и на крюк! За ребро – и на крюк! – повторил он для непонятливых.

– Тише ты! – только и успел шикнуть Иван.

Двери отворились, навстречу к ним вышел камердинер и с важным видом провозгласил:

– Завтра ваши милости приглашаются на ассамблею!

Глава XIII,

в коей лишь приоткрывается тайна гобелена

Вожжов наконец оттаял. Все устроилось как нельзя лучше. Ванька и вправду оказался везунчик, верно тогда Маслов подметил. Он теперь уже готов был взять Ивана в приятели. Все-таки кровью крещены, товарища вместе хоронили и мести сильных мира сего избежали, да к тому ж в награду получили не крюк, а приглашение. На как там ее бишь?.. Ассамблею. Тьфу ты пропасть, как у них язык поворачивается такие слова выговаривать? Дворовые ведь, простого звания люди – даром, что при княжеском доме, а все одно холопы, как ни назови, – а произносят иноземные словечки с таким форсом. Это чтоб сразу видать было, что говорит с тобой не кто-нибудь, а камердинер. Смешно, камердинер! Раньше о таких на Руси не слыхивали. А нынче эти столичные и одеты по последней моде, и манерам всяким обучены. Вот было бы забавно, если бы его сестра Марфа в тверском имении барина на ассамблею приглашала. Хотя Вожжов дома не был, почитай, лет двадцать, может, и Марфа теперь нос пудрит да словечками разными выражается.

– Ну что? – обратился драгун к Самойлову, когда они неспешно ехали по петербургским улицам. – Давай ко мне? У меня комнаты от Маслова, царство ему небесное, теперь освободились!

Иван обрадовался такому предложению. Нужно было отдохнуть, привести себя в порядок. А где? Денег у него толком не было, гостиницы в столице дороги. А что, может, и впрямь у Вожжова остановиться?

Но сии весьма благоразумные размышления были прерваны. Он увидел, как у одного из подъездов остановилась карета. То было невеликое происшествие, и оно, разумеется, не заинтересовало бы его в другом случае. В другом, но не в подобном этому: карету вышел встречать не кто-нибудь, а тот ворчливый придворный, отец понравившейся ему девицы. Все тяготы и лишения последних дней мигом улетучились. И только желание поскорее увидеть ту, о которой грезил он все время со дня их памятной встречи, овладело пылким сердцем. Эх, молодость, молодость! Лишь ей свойственна подобная горячность. Хотя судя по тому, какую роль сыграет девица эта в судьбе нашего героя, может быть это не такая уж горячность.

Тем временем из кареты вышел Фалинелли и в сопровождении придворного направился в дом.

– Погоди-ка, у меня тут дело есть. – оставил Иван недоуменного Вожжова посреди улицы в одиночестве, а сам направился к дому.

– Ну да, дело. – сплюнул драгун и, развернув коня, поскакал домой. Да и что ему еще оставалось, коли этот болван все время ищет себе приключения? Не составлять же компанию!

Иван попытался из седла заглянуть в высокие окна сановного дома, но все безуспешно. Он обернулся и увидел кучера, сидящего на козлах той самой кареты:

– Это кто ж тут живет, любезный?

– Известно кто, Белозеров. – охотно откликнулся заскучавший было мужик.

Самойлов поблагодарил его кивком и продолжил поиски того единственно важного окна, которое принадлежало желанной особе. Варенька и не догадывалась о его попытках, иначе сердце бы ее забилося, и десерт не пошел бы впрок. В неведении ухаживала она за гостем, подвигая ему теткинo варенье, и слушала со смущением батюшкин рассказ:

– Вот ведь как, старший-то сын в заграницах уже четвертый год. А я, как прибрал господь мою Степаниду, нянькой здесь с моими-то.

Фалинелли, окинув взором молчащих дочерей Белозерова, с обольстительной улыбкой на хитром лице ответил:

– По-моему, вы обладатель прекрасного клада: скоро от кавалеров отбою не будет.

Белозеров, не привыкший к околичностям, повысил голос:

– То-то и оно! Отбоя уже нет! Правда, прости господи, одни бывшие холопы да солдатня. Прошли те времена, когда столбовые бояре на Руси при царях сиживали.

Фалинелли не интересовали подробности российской истории. К тому же он считал реформы Петра весьма прогрессивными. Царь многое успел, но настолько косным оказался этот народец, что несмотря на все блага цивилизации, подаренные Петром, все о старых порядках тоскует. А был ли он когда-нибудь, порядок, в этой дикой стране? Впрочем, Фалинелли не хотел более рассуждать на сию тему, девицами он тоже весьма налюбовался. Его больше волновало дело, которое привело его в дом Белозерова. Потому он мягко улыбнулся и прервал благородное возмущение отца семейства:

– Нам бы по делу., поговорить.

Белозеров тут же сменил тон:

– Так, доченьки, давайте-ка на женскую половину! Дайте нам по делам потолковать!

Дочери покорно встали, сделали книксен и удалились. Однако взгляды, брошенные на отца, были исполнены стыда и гнева.

– О, видал, как посмотрели?! – возмутился Белозеров. – Так зыркнули, как кинжалом резанули!

И тут ему на глаза попалась прислуживавшая за столом Стешка. Она застыла с чайником в руках, улыбаясь на последнюю сцену. Белозеров выплеснул на нее остатки гнева:

- А ты чего стоишь?! Ну-ка, кыш отсюда!

Стешка метнулась на кухню – дел там было невпроворот. Она схватила помои, открыла дверь и выплеснула их на нашего героя. Он как раз поравнялся с задним крыльцом, совершая свой обход дома Белозеровых в поисках заветного окна. Самойлов опешил, Стешка прыснула «Простите!» и, хлопнув дверью, скрылась внутри особняка.

Белозеров дождался, пока Стешкины шаги стихнут в коридоре, и обратился к Фалинелли:

- Что случилось-то?

- При дворе появились люди, которые просто так нигде не появляются. Я бы хотел перевезти все нынче же ночью. Ежели мне предстоит на время исчезнуть.

- Не волнуйтесь. Раз я своих дочек до двадцати годов сберег, то ваше-то добро точно сберегу, – уверил итальянца Белозеров.

Фалинелли был удовлетворен словами хозяина и перевел взгляд на стену:

- Это замечательный гобелен с охотой, он имеет какое-то отношение к вашей фамилии? Кажется, он мне знаком.

- Он имеет прямое отношение к нашему делу. Его прислал еще ваш батюшка. Тут все дело в рисунке! Тот, кто знает его тайну, тот побогаче любого царя будет...

Глава XIV,

обнаруживающая, что оружие тоже может нуждаться в защите

Возле дворца Меншикова всегда было беспокойно: придворные, военные, просители так и роились здесь целыми днями. Приходили и по делу, и без: новости узнать, знакомых повстречать, себя показать. Но в дни ассамблей на площади перед дворцом царила натуральная толчея. Вот и сегодня припозднившемуся малость Белозерову пришлось чуть не локтями прокладывать себе дорогу на парадную лестницу: сам он был господин не маленький и по чину, и по фигуре, а еще дочек надо было провести так, чтобы их не затоптали да платьев не повредили. И то была бы посильная задача, кабы волю себе дать – характером Белозеров был крут и спуску никому не давал. Да только этого показать никак нельзя было, напротив, следовало угодливо улыбаться нужным людям, кои присутствовали здесь в изобилии, любезно здороваться да кланяться, и не приведи господь кого-нибудь упустить, не заметить. Вот и протискивался старик, охая да ахая, а красное от жары и натуги лицо его выражало попеременно то досаду, то сладкую учтивость:

– Господи, вот ведь крест. Таскаться на эти сборища в такую жару! Здравствуйте, душа моя. Ох, мои ноги!

Раскланявшись, наконец, со всеми знакомыми, Белозеров достиг парадной залы и занял место в очереди придворных, что выстроились уже для церемонии. Дочки встали за его спиной. В отличие от отца, девушки нисколько не были смущены теснотой и жарой: они были счастливы вырваться из унылых своих комнат, надеть по случаю новые платья, предстать перед людьми во всем блеске своей красоты и молодости, ловить на себе восхищенные взгляды и втайне надеяться на желанную встречу.

Семейство подросло как нельзя более кстати: награждение уже шло, и сейчас дело касалось наших героев. Князь Меншиков со всею важностью и достоинством, приставшими высокому чину, «зачитывал» (а многим присутствующим было известно, что грамоту Алексашка так и не освоил, кроме имени своего не умел ни писать, ни читать, едва мог расписаться в получении жалованья и нарисовать свою фамилию, посему он лишь поглядывал на бумагу, произнося слова по памяти) высочайший указ:

– За доблесть и честную службу именем Государыни нашей вручаю памятные шпаги, дабы служили вы и далее во славу Отечества.

По проходу между рядами придворных серьезные и смущенные, твердо, однако, чеканя шаг, прошествовали Самойлов и Вожжов. Приблизившись к Меншикову, они замерли навтыжку. Первым подошел Вожжов, бережно принял шпагу из рук князя, поцеловал ее почтительно и отступил, давая место товарищу. Иван также трепетно взял подарок и прикоснулся губами к холодной стали. Затем оба развернулись и удалились, демонстрируя отменную выправку.

Оказавшись снова среди придворных, Самойлов нос к носу столкнулся с давешними французами, но не сразу узнал Мари – так преобразило ее парадное дамское платье, волосы же были убраны назад и уложены локонами, отчего лицо девушки стало еще более точеным и высокомерным. Мари милостиво одарила улыбкой своих спасителей, Ла Шанье лишь слегка кивнул им. Оба с любопытством рассматривали присутствующих, и со стороны и подумать нельзя было, что они кого-то ищут. Но вот французы заметили в толпе Фалинелли, значительно переглянулись и направились к нему. Итальянец отвесил любезный поклон, однако весь словно подобрался: видимо, сия компания была для него не слишком желанной.

Первой заговорила Мари:

– Vous esperez toujours prendre place aupr?s du tro-ne russe tout seul?[3 - Вы по-прежнему надеетесь занять место у русского трона в одиночку?]

– Et vous, vous desirez toujours l’empêcher?[4 - А вы по-прежнему хотите этому помешать?] – подхватил насмешливый тон уже вполне овладевший собой Фалинелли.

– Marie adore les aventures, – подал голос Ла Шанье, – elle est tout simplement incorrigible! Mais cette fois, vous l’avez devancée, il est vrai, la-haut on ne l’a pas estimée à sa juste valeur. Ceci est l’injonction du général de l’ordre de réunir tous les moyens[5 - Мари обожает авантюры, она просто неисправима! Но на этот раз вы ее обставили. Правда, там (он показал пальцем вверх) это так и не оценили. Вот предписание генерала Ордена взыскать все средства.].

Француженка протянула Фалинелли какую-то бумагу, перевязанную красным шнуром. Тот принял ее и кивком дал понять, что разговор окончен.

Тем временем Меншиков «зачитывал» новый указ:

– Кроме того, государыня жалует кортик, украшенный рубиновыми камнями, французскому дворянину Ла Шанье в знак дружбы между нашими государствами.

Пока означенный дворянин получал подарок со всеми церемониями, наш Иван не терял времени даром. Гордо сжимая в руке наградное оружие, он направился напрямик к своей цели, а именно к прелестной темноволосой девице, стоящей возле отца и сестры и не сводящей с него глаз.

Варюша исполнилась радости, едва только заметила во дворце Самойлова, когда же он был так выделен и поощрен Светлейшим, восторгу ее не было предела. Сонечка тоже сияла, переглядываясь с сестрицей. Белозеров не выдержал и злобным шепотом одернул обеих:

– Не пяльтесь вы так на солдатню эту! Прямо срам. Прости Боже.

Но тут же расплылся в льстивой улыбке обернувшись к ним Меншикову – упаси господь показать князю недовольство, неизвестно, как истолкует да что потом сделает.

Иван между тем оказался уже рядом и учтивым кивком головы приветствовал главу семейства:

– Не имею чести быть знаком с вами!..

– И вправду, Бог миловал, – попытался завершить разговор Белозеров.

Но наш Ваня был не робкого десятка и отступить не собирался.

– Иван Самойлов! – представился он, вытянувшись в струнку.

– Солдатик очередной, – буркнул старик, но сестры тут же подхватили приветствие, делая книксен:

– Варвара.

– Софья.

Этого было уж совсем не надобно! Белозеров решительно направился к выходу, уводя девиц чуть ли не за руку:

– Однако пора нам! Самое интересное кончилось! Пойдем-ка домой, доченьки!

– Я все равно разыщу вас! – крикнул им вслед вконец осмелевший Самойлов. – Приходите на ярмарку!

В награду ему был брошен красноречивый взгляд, как бы говорящий «я рада знакомству, но вот папенька.». Девицы почти скрылись, а Иван, все глядя им вслед, вернулся к напарнику, который с удовольствием пользовал вино и фрукты, обнаруженные на изящном подносе.

– Ну, ты видел? Ох, хороша!

– Кого? – не сразу понял Вожжов. Потом посмотрел в ту же сторону и успел разглядеть уходящих Белозеровых – они как раз остановились в конце залы, чтобы раскланяться с Фалинелли.

– Не про тебя птица сия! – драгун протянул приятелю бокал. – Папаша – сущий дьявол! Богат, сварлив и жаден. Нашему брату и думать нечего глаз класть на его выводок.

– А ты почему знаешь? – вскинулся Самойлов.

– Когда стояли на зимних квартирах в том году, насмотрелся. Он насилу, по приказу государыни своих дочерей вывозит на ассамблеи.

Иван обиженно хмыкнул, разом осушил бокал и потянулся за другим. Однако долго предаваться размышлениям и подстегивать вином воображение ему не позволили – рядом неожиданно возникла группа важных придворных птиц со злополучными французами во главе. Самойлов хотел притвориться, что не замечает их, да не тут-то было.

– Господа, а это те, кому мы обязаны своим спасением, – неожиданно любезным тоном провозгласил Ла Шанье.

Пришлось раскланяться. Хоть и не был Ваня искушен в дворцовой жизни, однако сановного господина приятной наружности узнал – то был лейб-хирург Иван Иванович Лесток. Отец рассказывал о нем с большим уважением и как-то показал его мельком на том единственном приеме, куда взял с собой отрока-сына «для развития представлений о светском обхождении». Помнилось ему, как было радостно услышать, что молодого придворного тоже зовут Иваном. Отец, однако, тихонько возразил, что, дескать, никакой Лесток не Иван на самом деле, а Иоганн Герман, был выписан когда-то государем Петром Алексеевичем из Франции, да так и остался, потому как пришелся ко двору. Слышал также Ваня, что Лесток позже долгое время пробыл в ссылке, но где и по какой причине, не ведал. Увидев его теперь на ассамблее, Иван почему-то обрадовался и почувствовал себя несколько более вольно. Впрочем, причиной тому мог быть и второй выпитый бокал вина.

На слова Ла Шанье отозвался неизвестный Самойлову француз, судя по всему, тоже шишка немалая:

– Отраднo видеть, что армия русская строится по европейскому образцу!

Прозвучало это как-то слишком бесцеремонно. Лесток поморщился и, будучи по натуре человеком дипломатического склада, поспешил сгладить сие выступление:

– Ежели государыня наша Екатерина изволит и далее применять науку европейского маневра, то виктория российской короне в войне гарантирована! – Для пущей убедительности он поднял бокал и широко улыбнулся.

Тут неожиданно для самого себя встрял в разговор Иван:

– Однако позволю не согласиться! Та фортификация, кою государь применил в Полтавской баталии, не имела применения в Европе до того.

К ним подошел Фалинелли и любезно поклонился Лестоку. Ла Шанье обратился к итальянцу в продолжение начатого ранее разговора:

– Как вы сказали? Сию кумпанию выиграл редут?

– Да. Землекопы были решающей силой! – усмехнулся Фалинелли.

Это прозвучало совсем уж вызывающе. Тут вдруг не выдержал Вожжов, заметно охмелевший к этому моменту:

– Как вас понимать? Вы хотите сказать, что сражение выиграла землекопы?

Возбужденное состояние русского офицера позабавило итальянца, и он не смог отказать себе в удовольствии подразнить зарвавшегося драгуна:

– Это сказал не я, а вы! – заявил он с издевкой и оглядел окружающих, ожидая реакции.

Реакция не замедлила – ловкая словесная игра вызвала всеобщее веселье. Для Вожжова этот смех был, что красная тряпка для быка. Он покраснел и вскинулся, а наглый иноземец в ответ лишь насмешливо поклонился и направился было к дамам. Вожжов оказался в центре внимания. На него с ожиданием смотрели все, кто стал свидетелем этой короткой перепалки. Не ответить на вызов было невозможно. Драгун решительно бросился вслед за обидчиком, нагнав, схватил за плечо, развернул к себе и замахнулся своим огромным кулаком. Самойлов едва успел остановить занесенную руку. Допустить столь мужицкое поведение на ассамблее было никак невозможно, это навсегда запятнало бы честь русского мундира. Дерзость повисла в воздухе, все ждали, чем разрешится нежданная схватка. Надо было спешно как-то выходить из ситуации.

– Сударь, вы нанесли оскорбление, принизив победу русского оружия, – Иван говорил, а по спине его полз холодок ужаса перед неизбежностью того, что сейчас прозвучит. – Я вам не могу этого простить.

Фалинелли смерил Самойлова презрительным взглядом: эта солдатня совсем забылась, где и с кем говорит!

– В самом деле? Вот уж не знал, что можно оскорбить оружие! Впрочем, мне безразлично, к вашим услугам.

– Дай я ему суну! – продолжал бушевать Вожжов.

– Я буду ожидать вас в парке! – закончил вызов Иван, продолжая удерживать товарища.

– И немедленно! – крикнул Вожжов.

– Как скажете! – отвечив Фалинелли и, окинув глазами окружающих, обратился к французскому послу: – Вы не составите мне компанию? По-моему, в России в моду стали входить дуэли.

Часть II

Особое положение

Глава I,

повествующая о том, как иногда только кажется, что дуэль завершилась миром

Начнем новую главу нашего романа так, как ее начал сам Иван Самойлов в своих записках:

Возвращаясь в свой полк и выполняя волю покойного отца, я оказался втянутым в странную придворную интригу. В то время мы были молоды и горячи и превыше всего ценили честь. Так случилось, что на ассамблее я вызвал на дуэль итальянского посла. То ли выпитое вино ударило в голову, то ли слова иностранца действительно были оскорбительны, а может, я просто ревновал свою Вареньку к этому выскочке... Ведь он был вхож в ее дом, а я

довольствовался минутными встречами.

Еще хмель не выветрился, а мы уже сошлись с Фалинелли в поединке.

Соперники укрылись от посторонних глаз в глубине парка. Дуэли, которые строжайше запретил Петр I в конце царствования, еще не вошли в моду, как это будет во времена Елизаветы, но и запреты уже не соблюдались с должным рвением. По столице весть о поединках распространялась с молниеносной быстротой, и каждый из них становился объектом жарких пересудов. Однако до смертельного исхода дело доходило редко. Соперники, как правило, останавливались после первой крови. Виновного вызывали к Ромадановскому или Ушакову, но лишь два случая увенчались кандалами и каторгой. Оба наших драгуна, окрыленные наградами и разгоряченные вином, не особо тревожились о последствиях. Вожжов подбадривал товарища:

- Ты не шибко-то бойся этого басурманина.

Самойлов, пытаясь держаться прямо, отвечивал:

- Да я-то и не боюсь. - но пошатнулся и оперся на шпагу.

Вожжов помог нашему герою устоять на ногах:

- Вот и молодец! Ты фехтовальную науку-то вроде знаешь?

- Ты ж знаешь, что знаю! - петушился Иван.

- Знаю, что знаешь. Вот и славно, а то. не ровен час, - драгун перекрестил приятеля и трижды плюнул через плечо.

Секундант Фалинелли, господин с величественной осанкой, участливо покосился на Ивана и неуверенно спросил, обращаясь больше к Вожжову, нежели к Самойлову:

- Вы уверены, что можете драться?

Прятели переглянулись, словно спрашивая друг у друга: «Что имеет в виду этот наглец, посмеив поставив сей факт под сомнение?»

– А почему же нам не драться?! – задиристо спросил Вожжов. Он обнял Самойлова за плечо: – Ваня!

Тот, не отводя от секунданта тяжелого хмельного взгляда, ответил:

– Вася!

Секундант покачал головой и направился к Фалинелли. Итальянец в одной рубашке, как и требовали условия дуэли на шпагах, разминался неподалеку.

– Месье, он все-таки будет драться.

Фалинелли с недоумением смотрел, как Иван нетвердой походкой двинулся в его сторону. Самойлов вытащил шпагу и отбросил ножны. Худощавый итальянец с красивым лицом склонил голову и отсалютовал сопернику. Несмотря на состояние одного из дуэлянтов, формальности были соблюдены. Иноземцы многозначительно переглядывались, кивая на Ивана и качая головой, когда осматривали оружие. Наш герой косых взглядов не заметил, пошатываясь, вышел на середину лужайки и встал в позицию, Фалинелли с саркастической улыбкой на устах последовал его примеру.

Едва соперники начали поединок, как стало очевидно, насколько умело фехтовал иноземец и пьян был драгун. Самойлов, конечно, был ловок и силен, но его удары парировались иностранцем с изящной легкостью. Раздражение распаленного Самойлова росло, и он атаковал противника серией выпадов, но увы – они так и не достигли цели. Итальянец, воспользовавшись последним неуклюжим пассажем, увернулся от шпаги, как тореро от быка, и ловко срезал несколько волос с макушки подвыпившего соперника, словно специально избегая его ранить. Шутливо указав Ивану на голову, Фалинелли улыбнулся. Иван и впрямь вел себя как бык: наклонил голову перед броском, раздул ноздри, вся грудь его ходила ходуном. Но и последующие его удары также не имели успеха. Он еле успел убрать ногу, и шпага итальянца пронзила землю. Фалинелли не переживал, видимо просто хотел проучить русского, легко ранив, и таким образом закончить дуэль. Все эти мелочи не ускользнули от Вожжова, который, судя по его виду, пребывал в ярости от неудач приятеля.

- Ваня! – крикнул он, выплюнув соломинку, что жевал с досады.

- Вася! – отозвался Самойлов и двинулся на итальянца.

Но тот серией ловких ударов заставил Ивана пятиться. А тут еще вечерняя роса, как на грех, – поскользнулся наш герой и через мгновение лежал на сырой траве. Фалинелли навис над ним, приставив острие клинка к груди:

- Ви есть повержен! Ваши извинения, и я считать дело чести закончен!

Самойлов посмотрел на небо, покосился на спешившего к нему Вожжова и согласно кивнул, ударив от злости кулаком по земле. Изящная «бабочка», начертанная шпагой в воздухе, и ответный кивок итальянца закончили дело. Недавний соперник протянул Ивану руку и помог подняться. Вожжов принял раздосадованного приятеля в объятья и повел к карете со словами:

- Ну поскользнулся. Ваня, да не переживай! Я вон третьего дня на крыльце как плюхнулся!

Иван резко обернулся к товарищу. Да неужто не понятно?! Он схватил его за грудки и, хорошенько встряхнув, выкрикнул:

- Так то ж на крыльце!

Потом словно осознав, что Василий здесь ни при чем, отпустил его, но выместил досаду на дверце кареты – со всего размаху двинул по ней кулаком:

- Я дуэль продул!

- Тише, тише, – успокаивал разбушевавшегося дуэлянта Вожжов, запихивая его в карету.

По дороге Василий все продолжал втолковывать абсолютно несчастному Ивану прелести столь удачного исхода:

– Дык ты подумай, что все к лучшему и будет. Вот ежели, к примеру, упаси господи, ты бы его продырявил, вот ведь канитель поднялась бы, и матушка императрица, не дай бог, осерчала. А так вроде ничего и не было, побренчали себе шпажонками и разошлись. Какой спрос!

Да что он такое говорит?! Не он ли в доме Меншикова готов был в драку лезть за честь мундира. Не эту ли горячую голову спасал Иван, пойдя на дуэль во избежание скандала? А теперь Василия как подменили – сама покладистость! Конечно, ему-то что, не он нынче опозорен!

От одной мысли о позоре Ивану захотелось зарыдать, чего он, конечно, не сделал, а только простонал в ответ:

– Ага, теперь сплетен не оберешься: Самойлов, мол, малахольный, дуэль продул!

– Ладно, поедем ко мне, там выпьешь и все забудешь. У меня уж, поди, собрались наши.

Бедный Ваня совсем напрягся:

– Про «наших», я тебя прошу, там – ни слова!

– Ни-ни! Что ты, – заверил его Вожжов.

Карета свернула в переулок и остановилась у дома, где квартировал Вожжов.

В гостиной действительно было уже полно народу: товарищи Василия по полку, полупьяные девицы – то ли полюбовницы их, то ли из публичного дома привезены. Все шумели, пили неумеренно, веселились. Иван сел за стол, обнаружил перед собой кружку с вином, выпил до дна. Встряхнул головой. Гостиная покачнулась перед глазами. Из мути возник захмелевший Вася, подлил еще вина, попытался вновь втолковать:

– Я вот третьего дни тоже.

– Тихо! – зашипел на него Иван.

Тут к Вожжову подскочила шустрая смазливая девка, вольно обняла его и повлекла за собой. Василий засиял, как начищенный котелок, и, прокричав «Ваня, я пошел!», устремился за обольстительницей. Самойлов остался один за столом. От выпитого и пережитого к горлу подкатывала дурнота. Иван поднялся и пошел было к выходу, но наткнулся на группу полупьяных драгун, которые, насмешливо поглядывая на него, стали вдруг разыгрывать представление: один из них, Бугров, опрокинул приятеля на лавку и принялся размахивать вилкой, а затем приставил ее к горлу лежащего и выкрикнул: «Ви есть повержен!» Получилось настолько потешно, что остальная компания дружно расхохоталась. Кровь бросилась Самойлову в голову – такого открытого издевательства он никак не мог стерпеть.

– Ах ты, мерзавец! – задохнулся он от гнева и рванулся в сторону Вожжова, гоготавшего громче всех.

Но тут комната поплыла, в ушах зашумело, и наш несчастный, так и не успев расправиться с обидчиками, рухнул в беспамятстве им на руки.

Сознание вернулось (если это можно назвать сознанием – голова нещадно гудела) лишь утром. За окном надрывались не первые, видать, петухи, солнце уже вошло и надоедливо лезло в глаза. Иван приподнялся на локте, оглядел комнату, попытался вспомнить, что произошло, но память пока отказывалась служить ему. Дурнота подступила к горлу. Иван снова бессильно упал на подушки. Тут за дверью послышались голоса. Самойлов ясно различил вопрос:

– Постоялец твой дома?

– Еще почивают, – ответила хозяйка.

Но тяжелые шаги, несмотря на сей довод, стали быстро приближаться, дверь распахнулась, и в комнату вошли несколько человек. В первом – важном, изысканно одетом господине с суровым взглядом – Ваня, хоть и был еще не в

ладах с головой, сразу признал Ушакова. А осознав, что за важная персона посетила его самолично, совсем растерялся.

– Он? – строго и как-то даже брезгливо спросил Андрей Иванович.

– Так точно, он, Самойлов! – ответил стоящий рядом драгунский капитан Сухов.

Ушаков прошелся по комнате, не снимая шляпы и плаща, глянул в окно и только после этой весьма ощутимой паузы заявил тоном, не терпящим возражений:

– Одевайтесь, сударь, вы обвиняетесь в убийстве!

Услыхав этот страшный приговор, Иван от ужаса забыл про хворь и рывком попытался встать.

– В убийстве?!

Но тут голова, словно колокол, наполнилась гулом, а горло сдавил очередной комок дурноты. Бедолага судорожно схватил медный кувшин со столика, приложил прохладный металл ко лбу и едва выговорил:

– В каком убийстве?

Ушаков все так же неспешно подошел к креслу, концом трости скинул с него Ванин кафтан, уселся и приказал своей свите:

– Обыщите дом, двор и сад.

Те вышли. Несчастный, ничего не понимающий Иван попытался врачевать голову прикладыванием кувшина, затем поискал спасения на дне сосуда, но тот был пуст. Более помощи ждать было неоткуда, оставалось только повиниться и уповать на милость божию.

Как добрались до Петропавловской крепости, Самойлов помнил смутно – ужас перед содеянным (или несодеянным – кто знает? – память так и утаила от Вани некоторые подробности вчерашнего вечера) сковал его мысли и чувства. Казалось, в следующий момент уже шли они по гулким коридорам каземата, затем очутились в камере для допросов, где Ивана усадили на невысокую скамью, руки ему оставили связанными. Пленник окинул взглядом голые стены подземелья, каменные своды, на которые падали причудливые тени от разведенной жаровни. Было здесь мрачно и сыро, казалось, что даже воздух пропитан чем-то зловещим.

Знакомый уже Туманов приступил к допросу жестко и с каким-то особым рвением:

– Значит, ты никуда не выходил, после того как покинул дом Вожжова?

– Дык я же в беспамятстве был. – Иван не знал, какие подобрать слова, чтобы ему поверили. Хоть бы скорее объяснили, в чем его подозревают, а то что и думать, неведомо!

Туманов вдруг вытянулся в струнку, а за спиной Самойлова раздался знакомый строгий голос Ушакова:

– А вот товарищи твои сказывали, что ты по приезде грозился: мол, не жить ему, подлецу... Это ты про кого?

– Так это про Вожжова! Растрепал всем про дуэль, подлец!

– Дуэль с господином Фалинелли?

– Ну да... поругались мы с ним.

Ивану стыдно было вспомнить, как глупо и самонадеянно он вел себя, затеяв ссору на торжественном приеме, а затем явившись хмельным на дуэль. Да что теперь: сумел заварить кашу, сиди и расхлебывай. Ушаков с интересом наблюдал за сменой настроения на лице пленника, но продолжал гнуть свою линию:

- Позвольте полюбопытствовать, из-за чего же вы с ним поругались?
- По поводу русского маневра... боевого. Штиля ведения Полтавской кампании.

Ушаков развеселился:

- Bravo! И кроме как дуэлью этот вопрос решить нельзя было?

И этот туда же! Смешно ему! А ведь на честь русского мундира иноземец покушался. Прилюдно!

- Да как ему, басурманину, доказать-то? – вскрикнул было Иван, да осекся, вспомнив, на кого кричит и где.

- Ну и что? Доказал? – презрительно поинтересовался Андрей Иванович.

- Доказал, – скис наш герой.

- То есть совершил смертоубийство итальянского дворянина! – встрял Туманов.

Вот те на! Что же он такое говорит? Не осведомлен, видать.

- Так дуэль же миром кончилась, – пояснил Иван, надеясь, что на том все и разрешится.

- Милостивый государь! – отрезал Ушаков. – О том, что ваша дуэль кончилась миром, знаем только я, он (кивок в сторону Туманова) и ваши друзья по полку, а вот то, что ваш визави в тот же вечер был убит у себя в доме, знает вся Москва!

- Как?! – ужаснулся Ваня. – Убит?

- А что вы так испугались? – с издевкой произнес начальник Тайной канцелярии. – Не вы ли перед этим хотели ему кишки выпустить?

В эту минуту в камеру вошел офицер, что-то прошептал Туманову, отдал ему какой-то предмет и тут же вышел.

– Нашли, Ваша светлость! – радостно объявил Туманов и показал Ушакову окровавленные каминные щипцы. – Он в сарае их схоронил, на земле около колоды.

– Я?! – вскричал Иван.

И тут он все понял: что ему не поверят, что свидетелей у него нет, да он и сам точно не может сказать, что делал с того момента, как кинулся на Вожжова в гостиной. И что влип он так отчаянно – хуже уже и некуда!

В одном наш Иван был уверен твердо: ни при каких обстоятельствах он не способен был убить человека не в прямом поединке.

Глава II,

из которой мы узнаем, как отсечение головы может спасти осужденного от смерти

Ушаков прошелся по камере, оглядел щипцы и скомандовал:

– Приготовьте все!

– Ввести! – крикнул Туманов в приоткрытую дверь.

Тотчас солдаты втащили под руки парня, одетого, как и Самойлов, в солдатские штаны, сапоги и белую нательную рубаху. Лицо его было опущено и скрыто лохматыми космами, но мастью он тоже походил на Ивана. Да и роста был такого же. Его проволокли в соседнюю камеру, двери притворили, но не до конца, и было видно, как несчастного подвели к дыбе и начали привязывать.

Иван между тем совсем потерял голову и все твердил одно:

– Я не убивал. Не убивал. Не убивал я!

– Да знаю! – отрезал Ушаков. – Эх, молодой человек!..

– Как? – ошалел Самойлов от откровений начальника Тайной канцелярии. – А зачем же я. здесь?

– А как я могу поверить, что ты сказал правду, не подвергнув тебя допросу? Начинайте! – крикнул Андрей Иванович так, чтобы его было слышно в соседней комнате.

Иван разглядел в щель, что палач засучил рукава и взял кнут с железными шарами. Через мгновение воздух прорезал дикий крик пытаемого. Иван сжался, будто это по его спине полоснули. Ушаков наклонился над самым ухом и спросил:

– А теперь отвечай быстро, готов ли ты послужить Отечеству?

– Я присягу давал! – возмутился Самойлов.

– Считай, что ты ее заново даешь, будто только что родился!

– Но.

– Да пойми же ты, неспроста все это! Неужели тебе самому не хочется узнать, кто убил?

– Хочется!

– Так в чем же дело? Место твое сейчас здесь! Послужи России инкогнито, не бравировав орденами на груди, а стоя у самого изголовья короны да державу оберегая. Разве это не честь для настоящего героя, беззаветно любящего Родину? – и Ушаков крепко ткнул в спину Самойлова, как бы требуя тем самым

от упрянца правильного ответа.

- Так я служу! - возразил наш герой, все еще не понимая, чего от него хотят.

- Да! Служу! - разозлился Андрей Иванович. - Что толку в твоем полку? Попойки да драки! А здесь, в Приказе, ты можешь по-настоящему встать на страже государства Российского!

Животные крики несчастного из соседней комнаты отзывались дрожью во всем теле, не давали собраться с мыслями. Иван с трудом осознавал, что происходит, и уже, кажется, согласен был на все.

- Что я должен сделать?

Ушаков переглянулся с Тумановым и подавил вздох облегчения.

- Вот и славно, - он прошел к маленькому оконцу, выходящему во двор каземата. - Встань подле меня да не высовывайся. А теперь посмотри, нет ли среди господ у ограды свидетелей вашей вчерашней ссоры с Фалинелли?

- Это по поводу маневра? - на всякий случай уточнил Иван.

Он вдруг понял, что каким-то чудом избежал дыбы, силы и разум начали к нему возвращаться.

- Да, именно, - раздраженно ответил Ушаков, которому казалось, что разум возвращается к нашему герою что-то уж очень медленно.

- Да, собственно, почти все и были. Лесток, и француз, и посол тот. А это кто? - не выдержав, спросил Самойлов шепотом и кивнул на дверь, из-за которой раздавались звериные вопли пытаемого.

- Вор, - уже мягче объяснил Андрей Иванович. - Но сейчас он нам сослужит службу.

С этими словами он дал знак палачу закончить экзекуцию и пошел к выходу. Иван понял, что следующая сцена будет разворачиваться уже во дворе, встал

так, чтобы не быть различимым снаружи, и принялся наблюдать через окошко, что же произойдет.

А тем временем возле стен каземата толпа уже ожидала известий. Фалинелли был броской фигурой в политической игре, потому дело об убийстве его так нашумело в столице. Слух прошел, что злодей схвачен и Ушаков ведет допрос. Нечеловеческие крики, доносящиеся из рavelина, были тому подтверждением. И придворным, и публике не терпелось узнать из первых рук, сознался ли преступник и какова будет кара.

Наконец Андрей Иванович вышел из каземата. Все обернулись к нему.

– Ну что, пойман убийца? – с надеждой спросил Лесток.

Ушаков остановился, взглянул на лейб-медика и громко, так, чтобы слышно было всем, произнес:

– А как же, злодей всегда сам себя выдаст. Одна лишь безделица, – он сделал паузу и оглядел собравшихся, – этого мы взяли, но был еще и второй.

Удивленные голоса придворных сопровождали начальника Тайной канцелярии до кареты:

– Помилуй бог.

– Второй?

Как только шепоток стих, Андрей Иванович повернулся и бросил приманку:

– Да, и оставил он, между прочим, прелюбопытнейшие улики!..

Бой барабанов словно удар грома огласил внутренний двор тюрьмы. Из рavelина выволокли истерзанного человека. Заключенный с трудом передвигал ноги, рубаха на нем была вся красная от крови, голова безвольно висела на груди, мокрые волосы скрывали лицо, так что разглядеть его было невозможно. Всем присутствующим в этот солнечный день на месте казни стало очевидным, что слухи о страшных пытках, коим подвергают заключенных в Тайной канцелярии,

не преувеличены.

Барабаны смолкли так же неожиданно, как и зазвучали. В наступившей тишине раздался звонкий голос:

– Именем Ее императорского величества Самойлов Иван приговаривается к отсечению головы за совершенное им смертоубийство верноподданного посла Италии господина Фалинелли!

Несчастный, поддерживаемый конвойными, поднялся на эшафот. Испытывали ли жалость к нашему герою те, кто думал, что провожают его в последний путь? Ведь здесь почти все его знали. Вот среди толпы мелькнули глаза Мари, которой Иван спас жизнь. Правда, она вернула долг, но разве дело в этом? А вон и товарищи Ивана – Вожжов и Бугров.

Может, жалеют уже, что так зло подшутили над несчастным? А вот и французский посол, что исполнял обязанности секунданта. Лишь вчера он с облегчением вздохнул, когда поединок завершился столь нелепо и безобидно – дуэлянты волей господина остались живы. Раны, нанесенные юному сержанту рукой Фалинелли, были пустяковыми. Француз сам это засвидетельствовал. И вот теперь выясняется, что этот русский взял да и отмстил за проигрыш так низко. А впрочем, одному богу ведомо, какие мысли посетили головы этих господ в тот самый миг, когда палач взмахнул топором и наотмашь рубанул им по шее преступника.

Ушаков, также не зная этих мыслей, но надеясь, что в скором времени настоящий убийца себя выдаст, сел в карету и, не дожидаясь развязки, покинул сие душещипательное зрелище.

Уже у себя в кабинете он слушал от Туманова доклад о том, как движется дело поимки злоумышленника:

– Сети расставлены, остается подождать, когда птичка залетит.

– Знать бы еще когда.

– Тянуть он не будет, – изложил свои размышления офицер. – Постарается замести следы нынче же.

– Н-да! – Андрей Иванович взял большое яблоко, ловко рассек его ножом, невольно вспомнив при этом удар палача по шее сегодняшней жертвы, подошел к клетке с попугаем и протянул птахе отрезанный кусок. – Хотя, собственно, можно было бы и так выявить убийцу, – сказал он. Туманов удивленно вскинул брови, а Ушаков продолжил: – Как говорят наши латиняне? «Ищи, кому выгодно». – Андрей Иванович прожевал кусок яблока. – А что наш молодец?

– В полном смущении, – доложил бравый офицер. – Думаю, созрел.

– Зови! – приказал Ушаков.

Офицер отдал честь и вышел. Ушаков не обернулся, когда Самойлов замялся на пороге. Не подал виду, что услышал шаги Ивана, нерешительно двинувшегося на середину комнаты. Так и стоял спиной, будто картина за окном казалась ему куда интереснее судьбы нашего героя. Пауза затянулась, Иван, наконец, сам решился прервать ее. Он довольно громко отрапортовал:

– Сержант драгунского полка Иван Самойлов.

– Ошибаетесь, сударь, – наконец обернулся Ушаков. – Сержант драгунского полка Иван Самойлов обезглавлен нынче днем за смертоубийство иностранного подданного, урожденного в Италии Джузеппе Фалинелли. – Он помолчал немного и добавил: – О чем есть запись экспедитора Тайной канцелярии и медика, а тело его предано земле.

Андрей Иванович медленно направился к Ивану:

– Так что кем тебе быть, Ваня, ты уже решил, служба твоя теперь здесь. в Приказе. На таких, как мы, самодержавие держится. Или ты передумал? – он пристально посмотрел в глаза Самойлова.

Не в правилах Ивана было передумывать, он же слово дал. А потому он честно и отвечивал:

– Никак нет.

– Вот и славно. – Голос Ушакова потеплел. – Говорят, ты охотник хороший, следы читать умеешь и в разъездах конных противника обнаруживал по приметам заблаговременно. Так ли это?

– Так точно, есть такой опыт, – негромко ответил Иван.

– Ну так вот, давай покумекаем, кому было выгодно натравить тебя на итальянца, – Ушаков поманил его пальцем к столу. Иван подошел. Андрей Иванович указал на стул: – Садись. – И когда Самойлов сел, начал допрос: – Разговор тот кто затеял?

– Граф Лесток и французский посол, – припомнил Иван.

– А рядом с тобой кто был?

– Вожжов, драгунского полка.

– И что же, – прервал его Ушаков, – когда ты пошел помешать Вожжову, ты ведь убивать никого не хотел?

– Нет!

– Ну вот и посмотрим, Ваня, посмотрим, что ты за охотник! – Андрей Иванович позвонил в колокольчик. Тут же в кабинет вошел человек простоватого вида, скорее из бывших солдат, чем из господ, с невзрачным лицом, одетый в серый жюстокар.

– Этого господина одеть, – обратился к нему Ушаков, – разместить пока здесь, будешь у него в услужении.

Человек покорно кивнул. Ушаков посмотрел на Ивана:

– А тебе, сударь, до моего распоряжения сидеть в готовности. Сегодня мы узнаем, кто зарезал твоего итальянца.

Иван оторопел от такого поспешного заявления. Он и сам в каземате гадал, кто же мог быть причастен к гибели Фалинелли, но так ничего и не придумал. Ушаков не собирался объясняться с юношей, а потому посчитал разговор оконченным:

- Иди.

Самойлов поклонился и вышел, Егор – его новый денщик – проследовал за ним.

Глава III,

в которой дело, наконец, решается честным поединком

Мари не случайно оказалась у равелина солнечным утром. И уж конечно не о своем чудесном спасении вспоминала француженка во время казни – она хотела лично убедиться, что Ушаков нашел убийцу и дело Фалинелли закрыто. Она увидела, что преступник лишился головы, можно бы успокоиться, но Ушаков невзначай обмолвился о напарнике, а это значило, что следствие будет продолжено.

Весь остаток дня девица посвятила разгадке, где итальянец мог прятать деньги и есть ли у Ушакова возможность вычислить настоящего убийцу. Жаль, конечно, этого рьяного служаку Самойлова, но что же поделывать, коли он не стал играть по ее правилам. Согласись Самойлов служить ее делу – не сложил бы голову на плахе, а был бы щедро вознагражден. Уж она-то знала, что Орден не скупится в таких делах.

Наконец среди многочисленных бумаг Мари на глаза попало письмо, которое ей показалось ключом к разгадке тайны масонских денег. В ту самую минуту легкие шаги раздались за дверью, и на пороге возник Ла Шанье.

- On a cherche partout, mais on n'a rien trouve![б - Мы обыскали все, но так ничего и не нашли!]

Она так и знала, что голова дана этому человеку только для того, чтобы носить шляпу. Ведь люди Ушакова наверняка следят за домом Фалинелли, и тот факт, что шевалье не арестован, еще не доказательство, что его визит остался незамеченным. Да к тому же осторожный и хитрый итальянец вряд ли подвергал бы свою персону риску, храня такие сокровища дома.

- Vous n'avez pas cherché au bon endroit. En plus, le père Falinelli s'est allié à un certain Belozérov. Il n'est pas si facile pour un étranger de cacher le trésor en Russie, s'il n'a pas un bon aide parmi les russes[7 - Вы не там искали, еще отец Фалинелли сошелся с неким господином Белозеровым. Иностранцу не так уж легко спрятать казну в России, если не иметь хорошего помощника из числа русских.] - с досадой сказала Мари.

- Vous supposez qu'il s'agit de Belozérov?[8 - Вы полагаете, что это Белозеров?]

- Absolument! Notre garçon s'est trop hâté de tuer Falinelli! Il eût fallu d'abord l'interroger![9 - Безусловно. Наш мальчик погорячился убить Фалинелли! Сначала нужно было расспросить его!]

Шевалье покачал головой:

- Je crains qu'il n'ait tout simplement pas eu le choix[10 - Боюсь, у него просто не было выбора.].

Может быть, и прав был Ла Шанье, может, и не было у убийцы выбора, да только Самойлову убитый итальянец все никак не давал покоя. Вот и сейчас взмахивал Фалинелли шпажкой, дразнил противника, дергался, словно марионетка, управляемая невидимым кукловодом. «Вставай!» - ехидно улыбался Фалинелли.

- Вставайте, ваша милость! - кто-то тронул Ивана за плечо.

Иван открыл глаза и увидел перед собой Туманова и Егорку, который протягивал ему свежее белье и новый костюм.

Туманов повторил приказ:

- Вставай!

Егорка заботливо протянул рубаху:

- Одевайтесь, ваша милость, одевайтесь.

Тут только Иван понял, что Фалинелли явился ему во сне, а впереди ждет его разгадка странных событий последних дней. Самойлов стянул старую рубаху, словно старую кожу. Сам он не хотел, но обстоятельства так сложились, что вся жизнь его теперь начинается с чистого листа. А уж что написано будет на этом листе - то одному богу ведомо, да разве еще Андрею Ивановичу Ушакову, взявшему его в такой оборот.

Дом, где жил итальянец, обложили со всех сторон. Туманов, командовавший операцией, отдал солдатам приказ:

- Смотреть, чтобы мышь не проскользнула, не то голову оторву!

Солдаты растворились в темноте. Ушаков вышел из кареты, огляделся и обернулся к Самойлову:

- Ну что, дружок, пойдем навестим покои твоего итальянца. Туманов, дай ему пистоль и шпагу, а то в этом деле безоружному быть никак не пристало.

Спальня Фалинелли, в которой тот и был зарезан, находилась во втором этаже особняка и занимала просторную комнату с изящным балкончиком, глядевшим в сад. Посередь стояла большая кровать, другую обстановку различить было трудно, потому как освещалась теперь спальня только парой свечей да светом огня в камине.

- Камин слуги разожгли? - глядя на пламя, осведомился Ушаков.

Иван посмотрел ему в глаза и увидел, каким азартом горели они сейчас.

- Так точно, - подтвердил Туманов.

– Слуг не выпускать! Свечи потушить. Сидеть тихо. Догорит.

Распорядившись так, Ушаков глянул на огонь и подошел к окну – не близится ли мышь к мышеловке?

– Вот что я скажу тебе, Самойлов. Не думай, что тот, кто тебе днем улыбается, ночью не мечтает выпустить тебе кишки. У царского трона всегда идет грызня. Я многое повидал.

– И царевича Алексея видели? – не сдержал Иван любопытства, распаленного еще в детстве рассказами отца.

– Видел, – просто ответил Андрей Иванович, – подлец был, хоть и помер до казни. Против родного батюшки заговор чинил. У царского трона всегда беспокойно.

Он сел в кресло в углу так, что мрак спальни совсем скрыл его. Туманов и солдаты тоже укрылись в темноте. Самойлов на минутку задержался возле кровати – представилось ему, как лежит на ней убитый, раскинув руки, истекая кровью, как ужасно бледен его лик в лунном свете. Легкий скрип половицы за дверью вернул Ивана к действительности.

– Ага, пожаловал, – прошептал Ушаков, и Самойлов понял – не поздоровится тому, кто попадет в лапы этого зверя.

Ушаков действительно напоминал Самойлову скорее зверя, чем охотника: те были умелы, иногда отважны, когда шли на кабана или медведя. А Ушаков обладал природной силой, нюхом и выдержкой хищника, сутками выслеживающего добычу. Не трофей добывал он, идя по следу преступника, а жил этим, потому как охота за царевыми завистниками была для него именно смыслом жизни. Может, потому так и везло ему, что дело свое Андрей Иванович любил и знал превосходно.

Вот и сейчас он замер в ожидании. Меж тем дверь медленно отворилась, и в комнату проскользнула темная фигура, в коей потрясенный Иван узнал Вожжова. Драгун направился к камину, взял подсвечник и зажег свечи. Спальня осветилась, и Василий, к ужасу своему, обнаружил, что он здесь совсем не один. Андрей Иванович даже захлопал в ладоши – сцена разыгралась точно так, как он

и рассчитывал.

- Злодей вернулся заметать следы! – объявил он и засмеялся. – Я оказался прав.

Вожжов дернулся, выхватил шпагу, оглянулся на двери – там уже стояли два солдата, держа его на мушке. Он еще раз посмотрел в сторону Ушакова и тут увидел за его спиной Самойлова.

- Ты? – только и смог выдохнуть Василий.

- Что, неожиданно? Воскрес приятель? – веселился Ушаков.

- Так это, значит, ты убил итальянца? – глядя прямо в глаза давешнему товарищу, спросил Иван. – Но зачем?

- Не твоего ума дело! – буркнул Вожжов.

- С момента награждения он получил указание устранить Фалинелли и подставить тебя, – вмешался Андрей Иванович. – А велел ему это тот, кто заинтересован рассорить Россию с Италией. Впрочем, это легко вычислить.

Василий, озлобившись, поднял шпагу и двинулся в сторону Ушакова, солдаты прицелились и ждали лишь команды, чтобы поразить жертву, но Андрей Иванович жестом остановил их и уступил место Ивану:

- Действуй, Самойлов, но учти – он мне нужен живым.

Спасибо, Андрей Иванович. Подлец должен быть наказан по законам чести. Как же так? Столько прошли вместе, и когда награждал их Меншиков за службу Отечеству, Васька его продал, как Иуда за три сребренника?! И потом подзуживал на поединке. Нет, такое простить нельзя! Противники сняли шляпы и встали в позицию.

- Ну, прикормыш казематный, жив, значит? Сейчас, погоди, – зловеще прошептал Вожжов, намотал плащ на руку и вдруг сделал резкий выпад.

Иван был начеку и парировал. Завязалась схватка. Силы были примерно равны, и некоторое время они бились с одинаковым успехом. Но вот Вожжов чуть замешкался, и Самойлову удалось рассечь ему щеку. Тот отшатнулся. Промокнув рукавом порез, посмотрел на отпечатавшуюся кровь:

- Ну, Ваня! - многообещающе протянул он

- Вася! - с назиданием вторил ему Иван.

Поединок продолжился с еще большим остервенением. Вожжов ловко использовал плащ: действуя им как щитом, ловко отвлекал противника и парировал часть причитавшихся ему ударов. В полумраке спальни трудно было что-нибудь различить, бились почти наугад. В какой-то момент Иван получил ответный удар от своего бывшего товарища - шпага Вожжова пробила рукав кафтана и поранила Самойлову руку выше локтя. Он даже не обратил на это внимания. Ему удалось уже сильно потеснить противника, как вдруг тот метнул нашему герою в голову свой плащ, воспользовавшись заминкой, толкнул его на кровать и ринулся на балкон. Не прошло секунды, как Вожжов скрылся из виду, перемахнув через витые перила. Ушаков даже бровью не повел - он-то знал, что уйти убийце не удастся. Иван же выбежал на балкон, придерживая раненую руку, и глянул вниз. Там оставленные на посту солдаты уже окружили преступника, повалили его на землю, заламывая ему руки. Андрей Иванович неспешно вышел на балкон и встал рядом с Самойловым.

- В крепость его! - приказал он. Потом обернулся к своему протеже: - Да ты ранен, братец? Так тебе домой надо. - И, видя, как тот побледнел и пошатнулся, крикнул Туманову: - Лекаря!

Сильные руки офицера подхватили уже начавшего терять сознание Ивана. Самойлов усилием воли постарался справиться с накатившей слабостью, сам, опираясь на плечо драгуна, спустился по лестнице и вслед за Ушаковым сел в карету.

Здесь не могу я удержаться, чтобы вновь не обратиться к запискам Самойлова. Слова эти написаны через много лет после сего поединка, а сколько в них боли:

Наверное, человек отличен от животных одним самым отвратительным качеством – способностью предать своих собратьев. Даже представить невозможно, что во время облавы волк может перевернуться на сторону псов и начать грызть кого-то из своей же стаи. Горько вспоминать об этом, но я пишу все так, как было, и упускать что-либо не входит в мои планы.

Да, трудно юному сердцу пережить предательство, и даже если в переживаниях укрепляется характер, пусть избавит господь нас от таких переживаний.

Меж тем дома немец-лекарь, за которым спешно съездил один из драгун, перевязал рану, а наутро явился вновь, чтобы проведать больного. Он остался доволен собственной работой, даже языком цокнул:

– Ну, повезло тебе, служивый, считай, в рубашке родился.

Затем занялся промыванием и перевязкой раны и при этом продолжил свои объяснения:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Я не брошу того, кто спас меня!

2

Почти все цело, главное, что письма снова у нас. Держи свое оружие!

3

Вы по-прежнему надеетесь занять место у русского трона в одиночку?

4

А вы по-прежнему хотите этому помешать?

5

Мари обожает авантюры, она просто неисправима! Но на этот раз вы ее обставили. Правда, там (он показал пальцем наверх) это так и не оценили. Вот предписание генерала Ордена взыскать все средства.

6

Мы обыскали все, но так ничего и не нашли!

7

Вы не там искали, еще отец Фалинелли сошелся с неким господином Белозеровым. Иностранцу не так уж легко спрятать казну в России, если не иметь хорошего помощника из числа русских.

8

Вы полагаете, что это Белозеров?

9

Безусловно. Наш мальчик погорячился убить Фалинелли! Сначала нужно было расспросить его!

10

Боюсь, у него просто не было выбора.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ryaskov_oleg/zapiski-ekspeditora-taynoy-kancelyarii

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)